

АНРИ ЛАММЕНС

ФАТИМА И ДОЧЕРИ МАГОМЕТА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта монография открывает серию подробных исследований, которые мы намерены посвятить Сире — жизнеописанию Пророка — и первым этапам истории ислама. Она продолжает ряд статей, опубликованных нами ранее в *Journal asiatique*, парижском журнале *Recherches de science religieuse* и в *Bulletin de l'Institut égyptien* в Каире в 1910–1911 годах. Как и настоящая работа, где поставлены основные вопросы, связанные с Сирой, эти исследования должны помочь определить документальную ценность ранней мусульманской литературы.

В этих монографиях мы будем исходить из того, что Сира, подобно всему корпусу мусульманских хадисов, по своему первоначальному замыслу прежде всего носит экзегетический характер (то есть связана с толкованием, объяснением священного текста). Непосредственно вырастая из текста Корана, она должна была служить ему своего рода «комментарием в действии»: превращать самые тёмные намёки и наименее понятные подразумевания коранических аятов в точные и живые рассказы; разъяснять безымянные и безличные места, которые так часто затрудняют чтение сур; повсюду, если можно так выразиться, устанавливая памятные знаки, умножать собственные имена, даты и конкретные указания — всё то, чего Абу-ль-Касим столь осторожно избегал.

Будучи прежде всего экзегетической, Сира затем приобретает и доктринальное значение, но делает это с большей свободой и с меньшей намеренной искусственностью, чем собственно Предание. Экзегеза и доктрина, понимание «Книги Аллаха», закрепление религиозного закона, догмата, нравственных норм и, наконец, литургии, которой Пророк уделил так мало внимания, — именно эта сложная задача занимала первые поколения мусульман. Исторический интерес возник позднее, одновременно с развитием почитания личности Абу-ль-Касима. Необходимо было найти основание для этого почитания, а значит — ближе узнать деяния и поступки Учителя, собрать воспоминания о нём и следы его земного пребывания. Этому развитию способствовали также контакты с покорёнными народами, имевшими собственные религиозные анналы, а затем и политические споры, вызванные устройством арабской империи: вопрос о халифате, право на пенсии и тому подобное.

Это изложение принципов само по себе не предрешает вопроса об объективной ценности отдельных преданий, относящихся к мединскому периоду. Однако даже в

тех хадисах, которые после проверки признаются подлинными (sahîh), исторический интерес оказывается оттеснён на второй план экзегезой, назиданием и доктринальным наставлением. Настоящее исследование позволит в этом убедиться. В следующих монографиях мы попытаемся дополнить и, если возможно, завершить это доказательство — если будет на то воля Аллаха (إِنْ شَاءَ اللهُ)!

Рим, январь 1912 г.

I. СЕСТРЫ ФАТИМЫ

Среди сожалений, которые до конца жизни терзали сердце Магомета, на первое место следует поставить желание отцовства. Он считал его одним из отличительных признаков своих предшественников на пути пророчества. «**Мы посылали до тебя посланников и даровали им супруг и потомство**, — сказывает Аллах.¹ Жен он позволил себе — гораздо более, чем ту меру, которая была допущена для его последователей. Но ни одна из них не обеспечила ему мужского потомства, которое должно было бы пережить его. Как и все семиты, он придавал величайшее значение этому знаку божественного благоволения. Бывший сирота, никогда не знавший родителей и не деливший детских игр с братом, стремился как бы продолжить себя в наследниках своей крови.

Эти заботы могли вдохновить его полемику против детоубийства. Повсюду в Коране видна любовь к детям — особенно к мальчикам: он называет их «украшением мирской жизни».² Он ставит их рядом с богатствами, среди мирских благ, поистине достойных зависти. Эти блага можно свести к стереотипной формуле Корана: المال والبنون [малуль ва банун - «богатство и сыновья»].³ Один Бог распределяет между Своими рабами дочерей и сыновей — одних одаривая по Своей воле, других обрекая на бесплодие. Эти дети представляют собой настоящее искушение для сердца верующего⁴. Вот те соображения, которые были развиты Кораном, а позднее подхвачены хадисами.

«Абтар» — лишённый мужского потомства! Ему постоянно чудилось, будто это оскорбление вновь звучит у него в ушах; а иной раз — и другое: sonboûg, одинокая пальма посреди поля, с тонким стволом и редкой листвой. «Таков и Мухаммед, — говорили курайшиты; — у него нет ни сына, ни брата, и после его смерти память о нём обречена исчезнуть»⁵. Как было остаться равнодушным к таким злонамеренным намёкам? Они заставили его потерять самообладание и привели к

¹ Коран, 13:38; ср. нашу работу «Coran et Tradition» в *Recherches de science religieuse*, I, № 1

² «زينة الحياة الدنيا»; Коран, 18:46.

³ Коран: 3:10, 116; 57:20; 9:55; 63:9; 64:15; 8:28; 18:46; 54:22, 33

⁴ Коран, 42:48, 50, и указанное выше место. Ср. Ибн Ханбаль, *Муснад*, VI, 118, 2: похвала Хадидже, привлечённая главным образом для подтверждения того, что она дала Пророку потомство; ср. там же, VI, 97, 112. Обратите внимание на выражение ولدته (waladat-hu) — «она родила ему». См. также, как объясняют малочисленность потомства Хусейна, сына Фатимы: al-'Iqd, 4, II, 255, верх страницы; Я'куби, *История*, изд. Хаутсмы, II, 293.

⁵ Коран, 108:3: إِنَّ شَانِيَكَ هُوَ الْأَبْتَرُ (inna shāni'aka huwa al-abtar) — «Воистину, твой ненавистник сам окажется бездетным», то есть лишённым продолжения рода. Ср. Балазури, *Ansāb al-ashrāf*, парижская рукопись, л. 261а: مَنْ لَا وَلَدَ لَهُ وَلَا عَقِبَ (man lā walada la-hu wa-lā 'aqib) — «тот, у кого нет ни ребёнка, ни потомства»; Абу 'Убайд, *Gharīb al-ḥadīth*, рукопись Кёпрюлю, Константинополь, л. За.

тому, что он, вопреки своему обыкновению проклинать всех разом, назвал по имени главного виновника этих нападков и проклял его лично. Мусульманская традиция прекрасно это осознала. В её стремлении умножить число детей Мухаммеда невозможно не увидеть своего рода посмертное утешение, дарованное в ответ на это великое несчастье.

Усилия, в конечном счёте, оказались неудачными! Дело, которому чрезмерность принесла лишь вред, пытались защищать с помощью преувеличений. Чтобы поверить в существование Тахира, Мотакхара, Тайиба, Мотайяба, 'Абд аль-'Уззы и 'Абд аль-Манафа, сама исламская ортодоксия не проявляет единодушия. Если маленький Касим и имеет право на существование, то лишь благодаря *кунье* Абу-ль-Касим¹, из которой сочли возможным вывести его имя. С Ибрахимом дело, по-видимому, обстоит несколько сильнее. В то время, когда пытались установить основные линии Сиры, в Медине показывали некое возвышенное место, называвшееся «местом Умм Ибрахим». Эта Умм Ибрахим, по всей вероятности, была еврейкой. Современники Мухаммеда в Хиджазе не имели обыкновения носить библейские имена.² В Медине смутный местный хадис позднее сочел возможным признать в ней коптскую наложницу Пророка и мать его второго сына Ибрахима, умершего совсем юным и, впрочем, столь же неуловимого, как маленький Касим.

Сира никогда не ставила под сомнение существование четырёх его дочерей: Зайнаб, Фатимы, Рукайи и Умм Кульсум. Две последние исчезают, не оставив потомства. Их имена принадлежат к числу самых распространённых женских имён той эпохи. Что касается Умм Кульсум, то, кроме этой *куньи*, другого имени за ней не известно³. Напрасно стали бы пытаться разнообразить биографии двух сестёр: в них невозможно не узнать одни и те же общие схемы!

Сначала выданные замуж за сыновей Абу Лахаба⁴, а затем отвергнутые ими, обе они в конце концов оказываются в доме 'Усмана. Этот промыслительный человек, похоже, был призван выводить Абу-ль-Касима из финансовых и политических

¹ Путём неправильного истолкования теории *куньи* и приписывания *кунье* необходимой связи с сыном. Ср. *Qoran et Tradition*, с. 13. Мухаммед давал кунью и бездетным сахабам: Вакиди, изд. Кремера, 257, 4-я строка снизу; Ибн Ханбаль, VI, 16 — об 'Аише; *al-'Iqd*, VI, 107, 151. В Медине говорили: *بَنُو أَبِي الْقَاسِمِ: فَيْقَالُ لِبَنِي حُسَيْنٍ: بَنُو أَبِي الْقَاسِمِ* (fa-yuqālu li-banī Ḥusayn: banī Abī al-Qāsim) — «и потому сыновей Хусейна называли сыновьями Абу-ль-Касима»; отсюда заключили, что они происходили от дочери — к тому же оставшейся безымянной — великой Хадиджи; Балазури, *Ansāb al-ashraf*, л. 261b, 262a.

² За исключением евреев: Ибн Ханбаль, *Муснад*, VI, 6, 1 и 16. Язычник Тальха, по-видимому, произвёл впечатление тем, что дал своим детям библейские имена; Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, III, 70, 25.

³ *لا يُعْرَفُ لَهَا اسْمٌ (lā yu'rafu la-hā ism)* — «её имени не знают» / «для неё не известно имени»; *Tārīkh al-khamīs*, изд. 1302 г. х., I, 309.

⁴ Aghānī, XV, 3. Брак действительно был заключён; мусульманские анналисты утверждают обратное. Но чем тогда занималась Умм Кульсум в промежутке между её разводом и смертью Рукайи? Почему никто из сподвижников не позаботился устроить её положение?

затруднений: в Худайбии, в Табуке и в других случаях — тогда, когда Абу Бакр и ‘Умар уклонялись, как это произошло и в случае с Умм Кульсум¹. Но прежде чем увидеть, как услужливый Омейяд создаёт себе такое положение, эта дочь Мухаммеда должна была томиться в бесконечном вдовстве² и ждать, пока смерть её сестры откроет ей убежище, предложенное Ибн ‘Аффаном.

Как согласовать такое поведение с тем рвением, которое было проявлено по отношению к Фатиме, и со слепой преданностью, которую, как утверждает, исповедовали сподвижники? Они спорили между собой из-за волос и плевков Мухаммеда. Почему же тогда они колебались принять у себя дочь Пророка? Составители *Сирь*, по-видимому, не заметили этого противоречия в версии, которой сами отдали предпочтение.

Это следует отнести к самому происхождению этой разнородной компиляции, сложившейся из последовательных наслоений. Как и в Коране, где рядом с отменяющим и отменённым — *nāsikh* и *mansūkh* — были оставлены самые разительные несоответствия. Пытаться устранить их, согласовать между собой? Такая попытка разбилась бы о веру — всё ещё разделяемую некоторыми современными ориенталистами — в подлинность этих несогласующихся фрагментов.

С самого начала Сира отдаляет Рукайю, отправляя её в Абиссинию. Затем мы видим, как она на мгновение вновь появляется; но после возвращения из Бадра Мухаммед прибывает слишком поздно, чтобы присутствовать при её погребении³, подобно тому как ‘Али поступит в последние минуты Фатимы. Её единственный сын ‘Абдаллах (?), как считается, умирает в раннем возрасте. Таким образом, устраняются, можно сказать, все неудобные свидетели. Умм Кульсум упоминается лишь один раз в самой древней редакции *Сирь*⁴, дошедшей до нас. Неуловимые тени, обе сестры проходят мимо, так и не обнаружив своего присутствия на исторической сцене.

Остаётся прозвище их общего мужа — Усмана: *Зу-н-нурайн* [араб. «обладатель двух светочей»], «владелец двух светов». Что оно означало в точности? Какова

¹ Попытались предположить некую «эпоху вдохновения», если только от этой враждебности действительно сохранились следы в ортодоксальной традиции; однако следы эти слишком слабы, чтобы привлечь внимание суннитов.

² Поскольку она была его супругой: ср. Ибн Са‘д, *Ṭabaqāt*, VIII, 28. Как и её сестра, она долгое время оставалась у Абу Лахаба; там же, 24–25.

³ Ибн Са‘д, *Ṭabaqāt*, III, 37; Ибн Хишам, *Sīra*, 208, 241, 457.

⁴ Ибн Хишам, *Sīra*, 121; Usd, V, 400.

древность этого наименования? И почему оно обойдено молчанием в обширной заметке, которую Ибн Са'д посвятил третьему халифу?¹

Некий весьма малоизвестный сподвижник, Туфайл ад-Дауси, носил прозвище ذو النور (dhū al-nūr)² — «обладатель света». В выражении «два света» Предание поспешило увидеть двух дочерей Пророка³. Но такое объяснение не навязывается само собой. Прозвища такого рода были часты среди современников — мужчин и женщин. Дочь Абу Бакра называли ذات نطاق (dhāt niṭāq) — «обладательница пояса». Среди сахабов известны ذو الأصابع (dhū al-aṣābi‘) — «обладатель пальцев», ذو اليدين (dhū al-yadayn) — «обладатель двух рук», ذو الشمالين (dhū al-shimālayn) — «обладатель двух левых рук»⁴. Для всех них наши сборники хадисов сумели найти соответствующие объяснения — и неизменно в пользу носителей этих прозвищ, даже когда речь шла о прозвищах столь двусмысленных, как ذات النطاقين (dhāt al-niṭāqayn) — «обладательница двух поясов», и ذو الشمالين (dhū al-shimālayn) — «обладатель двух левых рук». В наши дни какой мужчина, какая женщина решились бы дать себе такое прозвище? Однако эта экзегеза доказывает прежде всего плодотворное воображение наших писателей. В случае с 'Усмано толкование могло рассчитывать на успех: оно одновременно благоприятствовало династическим притязаниям Омейядов, их почитанию 'Усмана и тенденциям Сиры, стремившейся обеспечить Пророку честь более многочисленного отцовства⁵.

Что же думать о Зайнаб, умершей также прежде своего отца? Плохо объяснимо, почему её потомки угасли среди равнодушия мусульманского мнения.⁶ Почему

¹ Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, III, 36–58. О частоте имён, образованных с ذو (dhū, «обладатель чего-либо»), см.: Вакиди, изд. Кремера, 108, 1-я строка снизу: ذو الأنبياء (dhū al-anbyāb) — «обладатель клыков»; Ибн Ханбаль, III, 117: ذو اليدين (dhū al-yadayn) — «обладатель двух рук»; указатель к Табари, sub verbo ذو. Ни Ибн Хишам, ни Ибн Кутайба, ни Мас'уди не упоминают титул ذو النورين (dhū al-nūrayn) — «обладатель двух светов». По Ибн Ханбаль, II, 271, верх страницы, прозвища ذو اليدين (dhū al-yadayn) и ذو الشمالين (dhū al-shimālayn) обозначают одного и того же человека. Сопоставьте с ذو اللحية (dhū al-liḥya) — «обладатель бороды», очевидно неблагоприятным прозвищем: аль-Бухари, IV, 126, 3-я строка снизу; как и подобает хадису, здесь передан только один смысл. Ибн Ханбаль, 307: ذات نطاق (dhāt niṭāq) — «женщина с поясом», «обладательница пояса»; там же, VI, 358, 10: ذو اليدين (dhū al-yadayn); там же, IV, 159. В своих многочисленных элегиях на 'Усмана Хассан ибн Сабит не упоминает этот почётный титул, хотя он должен был бы сделать его дорогим для Пророка; см. его *Dīwān*, изд. Хиршфельда, CLVII, 3, где уже становится трудно определить подлинные части. Пользоваться им следует с величайшей осторожностью.

² Ибн Русте, *al-A'īq al-nafīsa*, 214; Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, IV, 376.

³ Навави, *Tahdhīb*, 409.

⁴ Ибн Русте, указанное место; Ибн Ханбаль, *Муснад*, IV, 67, 77; Гольдциер, *Zur davidischen Königssage*, II, ZDMG, XIII, 324–325; Ибн Кутайба, *Ma'ārif*, изд. Вюстенфельда, 154, 165.

⁵ Ибн Хазм, *Asmā'*, Берлинская рукопись, № 9510, л. 11a; ат-Табари, III, 2903; *Usd*, V, 400; *Isti'āb* Ибн 'Абд аль-Барра, 727; Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, VIII, 152.

⁶ Враги и сторонники 'Усмана решили участь Рукайи: первые — чтобы засвидетельствовать её отсутствие при Бадре, вторые — чтобы оправдать это отсутствие. Ср. Вакиди, изд. Кремера, 95. Ср. также анонимную рукопись تاريخ الخلفاء (Tārikh al-khulafā') — «История халифов», № 4595, Париж, л. 4. После упоминания традиционного объяснения прозвища ذو النورين (Dhū al-nūrayn) — «обладатель двух светов» — автор добавляет: وَقِيلَ لَهُ ذُو النُّورَيْنِ، وَقِيلَ: لِأَنَّهُ كَانَ يَخْتِمُ الْقُرْآنَ فِي نُورٍ، وَيَقُومُ - والله أعلم (wa-llāhu a'lam) — «а Аллах знает лучше»

Зайнаб не переселилась вслед за отцом? Во время хиджры её считают отсутствующей в Таифе — на отдыхе, как кажется, у некоего Такафита.¹

Неудачное объяснение! В действительности она вовсе не заботилась о том, чтобы покинуть Мекку, как не собиралась покидать и своего мужа, богатого Омейяда Абу-ль-‘Аса.² Один, к счастью не переработанный, текст ясно сообщает об этом: «Абу-ль-‘Ас не переставал оставаться с нею в состоянии многобожия вплоть до поры незадолго до Покорения Мекки» *مكة ثم الفتح قبيل إلى شركه على معها العاصي أبو رجل*.³

С целью всё устроить была придумана история о пленении её мужа и о втором освобождении Зайнаб, нашедшей убежище в Медине. В другом месте, в одном апокрифическом хадисе, засвидетельствовано также его положение как супруга Зайнаба, и что он тогда находился в Мекке.⁴

Поскольку в этом двустии он назван «сыном *al-Amīn*», *Sura* поспешила перенять этот столь почётный эпитет для Абу-ль-Касима⁵, не заботясь о том, что тем самым опровергала собственную легенду о Зайнаб. Речь идёт также о каком-то происшествии, случившемся в тот момент, когда она пытается бежать из Мекки⁶. Если же её брак с Абу-ль-‘Асом, как признают хадисы, никогда не был расторгнут⁷, то лишь потому, что Зайнаб будто бы согласилась разойтись с мужем «без развода» [*то есть фактически разлучиться, не оформляя разрыва брака так, как этого потребовала бы логика легенды*]. Её решили «умертвить» раньше отца [*то есть раньше Пророка*], чтобы ещё больше не усложнять положение, уже запутанное тем обстоятельством, что Фатима пережила его. Так же поступили и с её сёстрами.

Когда в 12 году хиджры Абу-ль-‘Ас последует за ней в могилу, он поведёт себя так, словно не знает за ней никаких наследников, и назначит своим универсальным легатарием Зубайра ибн аль-‘Аввама, «сына своего дяди». Поведение

اللَّيْلَ فِي نُورٍ، فَذَلِكَ نُورَان. wa-qīla la-hu dhū al-nūrayn, wa-qīla li-annahu kāna yakhtimu al-Qur’ān fī nūr, wa-yaqūmu al-layla fī nūr, fa-dhālika nūrān - Его называли обладателем двух светов; говорили также, что это потому, что он завершал чтение Корана при свете и проводил ночь в молитве при свете: вот и два света.

¹ Я’куби, *Histoire*, II, 12.

² Сибт ибн аль-Джаузи, *Talqīh*, рукопись ‘Ашир-эфенди, Константинополь, л. ба; тот же, *Mir’āt*, рукопись Кёпрюлю, Константинополь, II, 122а: *وجلس [أبو العاص] بزينب عنده* (wa-jalasa [Abū al-‘Āṣī] bi-Zaynab ‘inda-hu) — «и [Абу-ль-‘Ас] оставался с Зайнаб у него» / «и [Абу-ль-‘Ас] жил с Зайнаб у него». Утверждают, что она приняла ислам за шесть лет до своего мужа; Ибн Ханбаль, I, 261.

³ Ат-Табари, *Annales*, III, 2303.

⁴ Ибн Са’д, *Ṭabaqāt*, VIII, 21; этот эпитет не имеет иного происхождения.

⁵ Ат-Табари, *Annales*, III, 2296.

⁶ Ср. Ибн Ханбаль, II, 208, верх страницы; Ибн Са’д, *Ṭabaqāt*, VIII, 22; Балазури, *Ansāb*, указанная рукопись, л. 254b. Романическая история: как Зайд ибн Хариса, см. ниже, сумел добиться бегства Зайнаб из Мекки; *Tārīkh al-khamīs*, I, 309.

⁷ Балазури, *Ansāb*, указанное место. Мы ещё вернёмся к этому в конце настоящей монографии, как и к качеству легатария, приписанному аз-Зубайру ибн аль-‘Авваму.

озадачивающее! Утверждают, что сыновья 'Али были тогда мертвы; но её дочь Умама пережила её почти на сорок лет и последовательно родила своим мужьям сыновей, которые все умерли, как и она сама, в неизвестности.

Почему же скрывать их происхождение от дочери Пророка? Почему современники не выразили протеста против такого отказа в справедливости? Если Зайнаб действительно существовала, то она добровольно осталась со своим мужем среди «примкнувших» — المؤلفة قلوبهم (*al-mu'allafa qulūbuhum*) — нр как говорят, лучше не ворошить того, что лучше оставить в покое.

Когда критика подходит к этому месту, ей остаётся лишь опустить глаза перед карточным замком, с трудом возведённым нашими авторами. Поддавшись унынию, они решили преждевременно устранить дочерей Пророка. Умножая их число, они заранее лишали себя возможности обеспечить им какое-либо потомство. Их слишком долгое существование бесполезно нарушало единство и связность частей великого исторического романа, именуемого *Сирой*.

С Фатимой мы вступаем на почву менее зыбкую. Её существование сомнению не подлежит. В этом — главный смысл её фигуры: она была дочерью, рождённой в браке Мухаммада со старой Хадиджей [*Хадиджа — первая жена Пророка; в источниках часто подчёркивается её возраст*]. Правда, очертить эту ускользающую фигуру нам трудно: она осталась в таинственной полутени. Зато стремление утвердить её потомство обеспечило матери блестящую славу — и, в свою очередь, заставило имя Фатимы появиться в поэзии лишь сравнительно поздно¹.

У Фатимы есть собственная биография, хотя и бедная историческими реалиями. Это новое преимущество перед другими дочерьми Мухаммеда, главным образом

¹ Возможно, уже в Aghānī, VII, 10; редактор, по-видимому, справедливо ставит здесь знак вопроса. Абу Талиб аль-Джумахи, Dīwān, изд. Кренкова, XXI, 3, называет بني محمد وبني علي (banī Muḥammad wa-banī 'Alī) — «сыновей / потомков Мухаммеда и сыновей / потомков 'Али», то есть фактически произносит имя Фатимы. Оно встречается и в апокрифических стихах, приписываемых 'Али; ср. ат-Табари, I, 1426. То же замечание относится к Мас'уди, Prairies, IV, 116, 118. В *Hāshimīyyāt* Кумайта, см. превосходное издание проф. Й. Хоровица, относящихся к началу II века хиджры, Фатима не названа.

Что касается апокрифической *Ṣīfa / Sīra* [чтение термина по скану не вполне уверенно], то здесь весь интерес сосредоточен на личности 'Аббаса: династическая идея преобладает над религиозными соображениями. Фатима названа в апокрифических похвальных речах, обращённых к Мухаммеду: Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, II, 19, 95, 6; IV, 4, 12. Об их подлинности см. введение издателя Ф. Швалли, с. VI.

Это сравнительно древняя композиция, хотя в ней встречаются формы и обороты псевдоархаического характера. Туда же введено имя Амины, матери Пророка, которое в других местах столь же трудно обнаружить, как и имя Фатимы. В результате знатность происхождения Мухаммеда оказывается здесь установленной. В общем, это апокрифы, интересные для вопроса о датировке и формировании *Сир*.

перед Рукайей и Умм Кульсум: последние по-сестрински соединены и смешаны друг с другом вплоть до самых мелких подробностей их жизни.

Среди первых четырёх преемников Мухаммеда порядок передачи власти соответствовал степени исламской святости этих лиц. Казалось бы, такое убеждение могло без труда утвердиться в рамках ортодоксии. Однако эта точка зрения сталкивалась с одной трудностью: как могло случиться, что 'Усман предшествовал мужу Фатимы? Но ведь первые халифы все были родственниками Пророка по браку, а 'Али — его зятем. Чтобы 'Усман получил преимущество перед ним, было решено признать существование ещё более тесных связей между Мухаммедом и его третьим преемником.

Чтобы дать 'Усману возможность оттеснить 'Али, решили, если можно так выразиться, удвоить за ним титул зятя Пророка. Эти тонкости — а их немало в этом шедевре изобретательности, который мы называем *Сирой*, — давали возможность приписать Абу-ль-Касиму двух других дочерей, которые, впрочем, исчезли, не оставив следов.

'Усман должен был поручиться за их существование. В конце концов решили даже присвоить ему прозвище «обладатель двух светов». Находка была не древняя, но достаточная для того, чтобы устранить последние сомнения и заставить принять выводы, с которыми все партии могли согласиться, поскольку считалось, что они служат чести Пророка.

Возвращаясь к Фатиме и к дате её рождения, следует сказать, что этот вопрос предполагает другой, оставшийся неразрешимым: какое место занимала Фатима в ряду дочерей Пророка? Из четырёх дочерей какая была старшей? Для каждой из них, за исключением, быть может, Умм Кульсум¹, наименее интересной с позиции хадисов, требовали этого преимущества — права первородства.

Предание использует его, чтобы ещё на единицу увеличить число потомков Мухаммеда и тем самым сделать менее загадочным прозвище ذو النورين (*dhū al-nūrayn*) — «обладатель двух светов», данное 'Усману. Нельзя было, конечно, требовать старшинства для этой дочери, выданной замуж лишь после Бадра. Это вновь ставило бы в затруднительное положение умы, уже смущённые поздним появлением Фатимы.

Умножая число дочерей Пророка, составители Сиры не позаботились о тех осложнениях, которые возникали в хронологическом отношении. Эти колебания объясняются самой системой, принятой каждым из наших авторов. Особенно поражённые некоторыми противоречиями, наблюдаемыми в Сире, они надеялись

¹ Я не припоминаю ни одного текста в её пользу.

устранить их, поочередно отдавая преимущество то одной, то другой представительнице пророческого семейства.

Прежде всего следовало принять во внимание преклонный возраст Хадиджи. Несмотря на привилегию, которую приписывали женщинам курайшитов, — будто они могли становиться матерями в шестьдесят лет¹, — решались не всегда доводить это до крайности. С другой стороны, хотели избежать для Фатимы слишком зрелого возраста ко времени её брака с 'Али.

В зависимости от того, какое значение придавали той или иной из этих двух трудностей, дату её рождения относили то назад, то вперёд. Доходили даже до того, что представляли её старшей в группе². Это мнение поддерживалось реже всего и, добавим, было самым опасным, если сохранять представление о множественности дочерей Мухаммеда.

В отсутствие каких-либо прямых сведений опирались на априорные принципы. Как добрый отец семейства, рассуждали так: Пророк должен был начать с выдачи замуж старшей из своих дочерей³. Поэтому Зайнаб⁴ и Рукаю, полагали, следует считать старшими, чем Фатима. Рукайя даже должна была предшествовать Зайнаб. Последнее мнение, вероятно, возникло вследствие путаницы. *Сира* решила отправить Рукаю в Абиссинию вместе с её мужем 'Усманом уже после её развода с сыном Абу Лахаба. На основании этого развода её стали выдавать замуж раньше Откровения⁵. Не следовало ведь говорить, что Мухаммед выдал своих дочерей за многобожников, столь враждебных исламу, какими изображаются Лахабидов. По той же причине Зайнаб, соединённая с неверным Омейядом, могла оспаривать у Рукайи право старшинства. Если у Мухаммеда, столь строгого в своём монотеизме, возникает неловкость оттого, что он отдавал предпочтение языческим зятьям, то, когда последние соглашались оставить его дочерей у себя, дочери Абу-ль-Касима не спешили их покидать. В пророческой семье, как видно, мирские соображения оказывали решающее влияние.

¹ Ср. наш *Cultes de l'Arabie*, I, с. 43.

² Казвини, *Nuzhat al-qulūb*, Берлинская рукопись, л. За. Подобным образом, когда Зайнаб или Рукаю представляют старшими дочерьми, это делается для того, чтобы избежать упрека в слишком позднем рождении детей у их родителей; вследствие этого приходится отодвигать назад и начало пророческой миссии. Чтобы устранить другое возражение — о преклонном возрасте Хадиджи, — одна из версий выдаёт её замуж уже в двадцать восемь лет; см. ниже.

³ المعلوم أن الكبيرة تزوج قبل الصغيرة، وإن جاز خلافه (*al-ma'lūm anna al-kabīra tuzawwaj qabla aṣ-ṣaghīra, wa-in jāza khilāfu-hu*) — «известно, что старшую выдают замуж прежде младшей, хотя обратное и допустимо»; ас-Суюти, Берлинская рукопись, № 9645, с. 297а; *Usd*, V, 519, 412; *Tārīkh al-khamīs*, I, 307.

⁴ Фатиму старшей объявляют: Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, VIII, 21; Ибн 'Абд аль-Барр, *Isti'āb*, 751; аль-Макризи, *Imtā'*, рукопись Кёпрюлю, III, раздел, посвящённый детям Мухаммеда.

⁵ Ат-Табари, III, 2130; *Tārīkh al-khamīs*, I, 310; Ибн Хишам, *Sīra*, 121, 208; псевдо-Халаби, изд. Х. Харта, IV, 1, 159. Ибн Ханбаль, IV, 64; аль-Мас'уди, *Prairies*, IV, 162, называет её третьей из дочерей Мухаммеда; Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, VIII, 24.

Согласно Ибн аль-Кальби¹, Рукайя была младшей, а Фатима непосредственно предшествовала ей по возрасту. Тогда возникает вопрос: как оправдать её вступление в семью язычника Абу Лахаба, её переселение в Абиссинию, а затем брак с 'Усманом — в ущерб её старшей сестре Умм Кульсум? Видно, среди каких противоречий приходится блуждать нашим генеалогам и как их очевидная добрая воля приводит к столь печальному выводу: «мы не знаем точного порядка дочерей Мухаммеда».

Знаменитый аз-Зухри, «первый авторитет в этом вопросе»², аз-Зубайр ибн Баккар — ещё один специалист³ — оказываются не лучше осведомлёнными. По их мнению, Фатима не была старшей⁴; вот и всё, остальное остаётся неопределённым. В итоге Зайнаб никогда не представляли младшей, а Умм Кульсум — старшей из четырёх сестёр. Все остальные сочетания были предложены. Все они основываются исключительно на соображениях удобства; ни одно не может быть принято нами как убедительное; ни одно не получило единодушного признания у мусульманских авторов.

Эти колебания не могли устроить сторонников шиитской традиции, особенно среди шиитов — ревностных почитателей «людей Семьи». Зайнаб, заявляет Ибн 'Абд аль-Барр, была старшей, Фатима — младшей. Противоположное утверждение не заслуживает никакого внимания. Если автор отклоняет этот последний признак в пользу Фатимы, то вина, продолжает он, ложится на Мус'аба и аз-Зубайра ибн Баккара⁵. Действительно, оба эти зубайрида главным образом трудились над прославлением семей Абу Бакра и аз-Зубайра⁶. Отец Мус'аба даже отличался своей враждебностью к Алидам⁷. С другой стороны, Ибн 'Абд аль-Барр, по-

¹ Макризи, *Imtā'*, III, указанное место; Ибн аль-Джаузи, *Talqīh*, рукопись 'Ашир-эфенди, л. 6а; *Ḥamīs*, I, 308; Умм Кульсум названа старшей по отношению к Фатиме и Рукайе: *Usd*, V, 612; Рукайя названа старшей из всех: Ибн Хишам, *Sīra*, 121.

² وهو الإمام بهذا الشأن *wa-huwa al-imām bi-hādhā ash-sha'n* «и он является имамом / главным авторитетом в этом вопросе». Сухайли, *Sharḥ as-Sīra*, Берлинская рукопись, приписывает ему сочинение о Сире *وهي أول سيرة ألفت في الإسلام* *wa-hiya awalū sīratin ullifat fī al-islām* «и это первая Сира, составленная в исламе».

³ هي من أثبت ما بهذا الشأن *hiyya min athbat mā bi-hādhā ash-sha'n* «это относится к числу наиболее достоверного в этом вопросе» / «это одно из самых прочно засвидетельствованных сведений по данному предмету».

Кала'и, *Iktifā'*, Берлинская рукопись, л. 42b.

⁴ Фатима названа двадцатилетней; Умм Кульсум — младшей: Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, I, 55; Макдиси, *خلاصة السيرة (Khulāṣat as-sīra)* — «Краткое изложение Сиры», рукопись Б. Хедивской библиотеки, л. 36а; Ибн Каййим аль-Джаузи, *Zād al-ma'ād*, рукопись Баязида, I, л. 1. Согласно *Ḥamīs*, I, 310, аз-Зубайр ибн Баккар будто бы объявил Рукайю старшей. Отрывок из его *نسب قريش (Nasab Quraysh)* — «Родословие курайшитов», сохранённый у Кутуби, говорит о семье Пророка; Макризи, указанная рукопись; Нувайри, *Nihāya*, II, рукопись Кёпрулю, секция 16, л. 19d; II, 202, называя её первой, по-видимому, представляет её как старшую из дочерей.

⁵ *Isti'āb*, 753; ср. там же, изд. Хайдарабада.

⁶ Ср. наш *Fāṭimides*, с. 143, и наше *Chiisme et Persia*, I, *Mélanges*, fasc. 6, с. 75.

⁷ «Табари, изд. Flügel, стр. 110, 96. Что касается брака Зайнаб в VI году хиджры, главной авторитетной опорой является 'Урва ибн аз-Зубайр».

видимому, не знает утверждения почтенного аз-Зухри, совпадающего с мнением этих зубайридских генеалогов.

Как бы то ни было, это возмущение можно объяснить у автора *Isti'āb*. Кто не видит затруднительных последствий утверждения, с которым он спорит: безразличие Мухаммеда к своей старшей дочери, дочери Сподвижников, проявляющих так мало стремления войти в семью Пророка, наконец — личная незначительность Фатимы¹, для которой, казалось бы, продолжалось испытание безбрачием. Как всё это согласовать с системой, столь тщательно выстроенной *Сирой*?² Зубайридская теория грубо обнаруживала её несостоятельность.

В своей *Жизни Мухаммеда* Шпренгер не сумел разобраться в хронологических спорах, развернувшихся вокруг личности Фатимы. На каком основании, спрашивает он, была рассчитана дата её рождения — по хадисам, которыми мы уже не располагаем? Как видно, здесь повторяется всё та же коренная ошибка: предположение, построенное задним числом, принимается за прямое свидетельство источника. Этим создаётся обманчивое впечатление, будто данное мнение подтверждается цепочкой передатчиков — *иснадом* — и всей учёной хадисной аргументацией. Между тем в данном случае авторы вовсе не опирались на какие-то утраченные древние хадисы: они вывели свои сведения гораздо проще и ближе к поверхности.

Отправной точкой послужила смерть Фатимы, отнесённая к одиннадцатому году хиджры. Такая обратная аргументация является обычным приёмом, когда речь идёт об определении возраста свидетелей той эпохи³. Их жизненный путь восстанавливают ощупью в обратном направлении, вместо того чтобы идти от начала к концу. Если этот метод и кажется нам эмпирическим, мы были бы неправы, порицая его. Поскольку дата рождения обычно неизвестна, то наиболее близкая и лучше — насколько это возможно — засвидетельствованная дата смерти давала менее шаткую основу, хотя и она не отличалась полной надёжностью. К полученным таким образом одиннадцати годам прибавили три года⁴, отделявшие хиджру от смерти Хадиджи. За пределами этих сведений, предоставленных Сирой, наши авторы перестают сходиться во мнениях: камнем преткновения стал возраст Хадиджи.

¹ «Она объявляется / считается самой молодой из своих сестёр, однако: أكبرها فاطمة — “старшая из них — Фатима”. См.: Maqrīzī, II, стр. 840; M. b. Kish..., стр. 65; Ya'qūbī, Histoire, II, 19; Nawawī, Tahdhīb, стр. 589».

² «Sprenger, Mohammad, I, стр. 293».

³ «См. нашу статью: L'âge de Mahomet et la chronologie de la Sira — “Возраст Мухаммеда и хронология Сиры”, в Journal Asiatique, 1911, I, стр. 209–250».

⁴ «Или два года, как говорится в муснаде 'Аиши у Ибн Ханбалы, VI, или пять лет, согласно басрийской школе; وذلك غلط — “и это ошибка”, добавляет Балазури, Ansāb, 261; 'Урва ибн Хишам говорит о “двух годах или около того”. Там же».

Узнаем ли мы когда-нибудь, почему «Вульгата» [Вульгата — наиболее распространённая, «канонизированная» версия традиционного рассказа] приняла брак Пророка с женщиной, которая могла бы быть ему бабкой?¹ Но раз факт считался установленным, то, составляя легенду о Фатиме, приходилось считаться с ним — пусть и ловко распоряжаясь деталями — так, чтобы отвести гипотезу о шестидесятилетней матери. Вот почему обычно решали поместить её рождение до начала пророческой миссии. Это решение, казалось, ничем не рисковало и оставляло простор для самых изобретательных комбинаций. Ведь мы и в самом деле не знаем, сколько лет прошло между первым откровением и переселением в Медину: 15, 10 или 7?²

Если среди наших авторов некоторые склоняются к тому, чтобы видеть в Фатиме старшую дочь или одну из старших среди её сестёр, то это потому, что они опасались возражения, вытекающего из преклонного возраста её матери. Другие же, напротив, очевидно озабоченные временем её брака с ‘Али, отказываются от такого решения. Они ограничиваются тем, что помещают рождение Фатимы за четыре или пять лет до «пророчества»³. В таком случае Мухаммеду было бы тридцать пять или сорок один год⁴; точно этого мы не знаем. Она родилась бы в тот же год, что и Му‘авия и Абу Хурайра⁵, — два Сподвижника, мало благоприятные для притязаний, позднее выдвинутых алидами. Хадис не отказывается прибегать к помощи контрастов. Этот приём позволяет ему отвлечь внимание, одновременно показывая хронологическую точность и придумывая синхронизмы.

Другие биографы, всё с тем же намерением уменьшить промежуток между рождением Фатимы и её браком, помещают первое событие «за один год до Пророчества»⁶. На этом пути следовало ожидать, что писатели, известные своими симпатиями к алидам, проявят особое усердие. Так, по словам Я‘куби, она родилась уже после «пророческого призвания». Перед ними, очевидно, стоит образ блистательной ‘Аиши: им неприятно допустить подлинную несоразмерность между нею и Фатимой.

¹ عجز من عجائز قریش حمراء الشدقين — «...старуха из числа курайшитских старух, с покрасневшими краями рта», — так описывает её ‘Аиша. См.: Ḥanbal, VI, 150.

² Ср. L’âge de Mahomet et la chronologie de la Sira. - «См. также: “Возраст Мухаммеда и хронология Сиры”»

³ Ссылки на источники, где рождение Фатимы помещается за четыре или пять лет до «пророчества»:

Табари, III, 2434; Ибн Са‘д, Siyar an-Nisā’ / рукопись Bū Khālid, 51; Ibn Sa‘d, Ṭabaqāt, VIII, 25.

Далее добавлено: по одной отдельной версии, во время брака Хадидже было только 28 лет; Ibn Sa‘d, Ṭabaqāt, VIII, 10, 2.

⁴ Табари, III, 2334, где приводится мнение Вакиды в пользу этого расчёта; см. также: Ibn Ḥabīb, Ismā’, стр. 15; Ibn ‘Abd al-Barr, Istī‘āb, стр. 721; Ibn Ḥajar, Iṣāba, стр. 27 — где говорится о возрасте 35 лет или даже меньше; Ibn Sa‘d, Ṭabaqāt, VIII, 7, 15 — где говорится о 45 годах.

⁵ Caetani, Annali, I, стр. 173–174.

⁶ Ibn Ḥanbal, I, 331; Ya‘qūbī, Histoire, II, 19.

Доходят даже до того, что вовсе устраняют это затруднение, приписывая матери Хасана одиннадцать лет в момент рождения этого её первого сына¹. Другие, более умеренные или более искусные, допускают между двумя женщинами разницу в пять лет². Согласно Мас'уди³, Фатима родилась «за восемь лет до хиджры». Поскольку он выдаёт её замуж через год после этой даты, такое сокращение продолжается и ясно показывает, что мать Хасана и любимая жена 'Али были ещё одной и той же девятилетней девочкой. Однако одна подробность⁴ ускользнула от автора Золотых лугов: за восемь лет до хиджры Хадидже⁵ исполнилось полных шестьдесят лет! Без сомнения, это пытались исправить, расширив для курайшитских женщин пределы материнства приблизительно до шестидесяти лет.⁶

¹ Ḥanbal, I, 331; Ya'qūbī, Histoire, II, 19.

² Ibn Ḥajar, Iṣāba, IV, 725.

³ С добавлением слов قبل الهجرة — «до хиджры»; см.: Murūj, IV, 157

⁴ См. следующий синхронизм, установленный у Ḥanbal, Musnad, VI, 116: 'Аиша, выданная замуж в шесть лет, говорится, مات في خديجة / вероятнее по смыслу: «после смерти Хадиджи». Следовательно, Фатиме в это время должно было быть определённое число лет, если верно сообщение Корана, 26:214, и если можно положиться на Ḥanbal, Musnad, VI, 150.

9. Согласно тому же рассказу, Мухаммед ведёт себя так, словно у него не было другой дочери, и она должна была быть уже достигшей брачного возраста. Древность Корана, 26:214, не может быть оспорена; ср. Nöldeke-Schwally, Geschichte des Qorāns, стр. 126; ср. Ḥanbal, II, 449.

⁵ По единодушному мнению всех, она умерла в возрасте 65 лет; см., например, Maqātil al-Ṭālibiyyūn, стр. 19.

⁶ Ср. наш Yazīd, стр. 43; кроме того, легенда о Хадидже, супруге матери 'Али, матери многочисленных сыновей, рождённых каждый с промежутком в десять лет, должна была способствовать утверждению этой выдумки.

2. БРАК ФАТИМЫ

Чтобы получить точное представление о скромной личности Фатимы, необходимо прежде всего устранить ореол, которым её образ окружили позднейшие историографы. При жизни с ней обращались как с обычной женщиной — её современники не делали исключения ни для её отца, ни для её мужа, ни для самых выдающихся *сахабов*, таких как *Абу Бакр* и *‘Умар*. Нигде не видно, чтобы она пользовалась особым уважением, какой-либо почётной привилегией, превышавшей обычный уровень бедуинов того времени. В окружении Пророка мы видим, что она занимает самое ограниченное место, исчезая за *‘Аишей*, *Хафсой*, *Зайнаб* и другими «матерями верующих».

Чтобы убедиться в этом, достаточно измерить пространство, которое отводят ей древнейшие летописцы, например *Ибн Хишам* в своей *Сире*. В этом сочинении, столь благосклонном к *‘Али*, она упоминается всего двух упоминаний¹. Составляя указатель к этому труду, *Ибн Са‘д* в своих *Tabaqāt* нашёл способ ни разу не произнести имени её мужа. На 230 страницах *Муснада ‘Аиши*² в большом собрании *Ибн Ханбала*, если сравнить с тем ничтожным местом, которое тот же автор отводит Фатиме, это противопоставление оказывается достаточно показательным.

Систематическое почитание «людей семейства» возникло во II веке. Поскольку речь шла не об историческом вопросе, а о создании боевой машины, никто особенно не заботился о том, чтобы выдвинуть на первый план неблагодарный образ Фатимы. Её муж и её сыновья привлекали главное внимание при разработке этой династической теории. Вот почему *‘Али* в ней обычно оказывается в выигрыше за счёт своей бледной спутницы.

Она почти не появляется и в сборнике *Агани* — показательная сдержанность у автора с такими явно алидскими склонностями. Все эти писатели принадлежат к различным школам и разным сферам. Что касается расцвета собственно фатимидско-алидской легенды, её образцы мы находим у *Мас‘уди* и *Я‘куби*; их преемники затем займутся её дальнейшим развитием. Известно, как багдадские халифы сначала использовали популярность Алидов, а затем задушили её потоками крови, как это видно по труду о мученически убитых за дело людях *Maqātil aṭ-Ṭālibiyyīn* («Убиения Талибидов» - рассказы об убитых потомках *Абу Талиба*, отца *‘Али* - Автор книги — *Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани*. Это известный арабский литератор X века, автор также знаменитой книги *كتاب الأغاني* — *Kitāb al-Aghānī*, «Книга песен».) — само заглавие показательно: в нём имя Фатимы должно уступить место

¹ Ср. *Ибн Хасан*, Ser. 125, 777; *Сарах(с?)* /.../ 410

² Ср. *Ибн Хордад(бех?)*, *Масуди*, VI, стр. 29–243; см. на следующих страницах краткое изложение истории и мнений.

патронимическому обозначению её мужа. [Фатима была дочерью Пророка, и именно она давала потомкам 'Али пророческий престиж. Но в названии книги эта связь выражена не через неё, а через род 'Али — через Абу Талиба. Поэтому Фатима как бы отодвинута на второй план, а на первый выходит мужская, патрилинейная формула: “потомки Абу Талиба”.]

Поэтому не следует удивляться, если применительно ко времени до хиджры мы почти ничего не знаем о детстве Фатимы. Это имя, по-видимому, было распространено в семье Абу Талиба¹. После того значения, которое в среде арабизма получила теория *куньи*, столь дорогая для *Сирь*², нам сочли нужным передать также и ее *кунью*: Умм Абиха³. Ее старомодность, надо полагать, должна была произвести благоприятное впечатление подлинности. Более поздние известия⁴ представляют ее как дочь, горячо любимую отцом. Разумеется, мы избавим себя от необходимости входить здесь в подробности. Как всегда хорошо осведомленные наши авторы знают с точностью до десяти лет, дату рождения Фатимы. Это не мешает им подробно описывать чудесные обстоятельства, предшествовавшие этому рождению: посещение ее отцом Рая, плод, полученный от Гавриила. Фатима будто бы родилась через девять месяцев после *Исры*. *Йакуби*⁵ показывает зрелищно ее скорбь по случаю смерти ее матери Хадиджи. С этого времени у нее войдет в привычку проливать слезы, что станет для нее характерной чертой; Али возьмет на себя заботу о ее пропитании.

Среди образов Сирь никто не плачет столько, сколько Фатима, разве что Абу Бакр; но слезы этого грубоватого купца, по-видимому, проистекали из религиозного пыла. Возможно, харизматизм слез Фатимы обязан своим происхождением Сире.

Скорбный характер, постоянно окутанный трауром! Этого не встретишь в семье Алидов. Блестящая и легкомысленная Сокайна, дочь Хусейна, позднее будет радоваться тому, что среди ее родни по материнской линии находятся столь же веселые тетушки⁵. В физическом отношении Фатима, по-видимому, не имела большего преимущества. Ее слабое телосложение, худоба⁶, бледный цвет лица,

¹ Ср. у Баладори, *Ansāb*, 349 и сл.; глава «Упоминание о Фатиме и аль-Хасане».

² Она выдумала существование Касима, сына Пророка. Этот вопрос о кунье заслуживал бы специального исследования ввиду его смысловой значимости. Он позволил бы устранить со сцены первоначального ислама этого Касима, сыновей Тальхи и других столь же вымышленных персонажей. - отныне [её следует называть] Монтаджаб Ханум. Автор считает указанную кунью в тексте поздней выдумкой

³ Табари, III, 2302–2303; Захаби, *Tārīkh* (изд. Париж), ...; *Osd*, V, 520; *Maqātil al-ṭālibiyyīn*, 18; Навави, *Tahdhīb*, 850, даёт ей кунью Умм аль-.... Среди сафавидских имён встречается Боу Абити — имя отца Р. Дюссо, *Arabes de Syrie*, 100.

⁴ *Osd*, V, 520; *Ḥamīs*, I, 313; Ибн Абд аль-Базз, *Istī'āb*, 772.

⁵ ... III, 35–49, где трактуется вся история о ...; *Monta... Hanum*, V, 97; *Comp.* 48, XI, 164; ...; *Wellhausen*, *Reste*, 195.

⁶ Ср. Табари, III, 2436; другие, более поздние свидетельства. Фатима оплакивает смерть своего сына Рокайи. По *Tahdhīb*, VIII, 24, в тот день, когда она узнала, какие горести постигли её из-за утраты отца [...], она прокляла своих гонителей: Бухари, ... (Кречмер, II, 50 ...).

частые недомогания делали ее непригодной для тяжелых работ¹, предназначавшихся тогда арабским женщинам. Как и все дети — действительные или предполагаемые — Магомета, она умрет молодой; она изольет свое уныние в последней жалобе. Если только смотреть на нее глазами *Сирь*, невольно задаешься вопросом, каким образом пытались сделать интересной эту стонущую женскую тень. Можно угадывать ее несчастья и несчастья ее потомства; понятна общее к ней равнодушие Магомета, почти простительна суровость Али к своей несчастной спутнице.

Даже у авторов, сочувствующих Алидам, редко случается, чтобы восхвалялась красота Фатимы, в противоположность её сестре Рукайе! Вокруг последней сложился целый круг рассказов, свидетельствующих о физическом очаровании этой дочери Мухаммеда². Говорили, будто они побудили 'Османа, одного из самых красивых курайшитов³, принять новую веру, чтобы добиться её руки. В Абиссинии люди останавливались, чтобы полюбоваться ею; в конце концов это стало её тяготить, и она разразилась проклятиями против своих нескромных поклонников⁴. Нигде Фатима не удостоивается той похвалы, которую Мухаммед воздал Зайнаб⁵, назвав её «самой способной из своих дочерей»: «أفضل بناتي». Когда 'Урва ибн аз-Зубайр передавал этот хадис, кроткий 'Али ибн Хусайн приходил в ярость: «Ты, — говорил он, — этим унижаешь Фатиму»⁶. Подозрение было не лишено основания. Оно касалось не 'Урвы — имени зубайридского, искусно выбранного, чтобы заполнить пробелы *иснада*, — а ортодоксальной традиции, стремившейся уравновесить преувеличения шиитов. Возвеличивание Зайнаб не представляло опасности: её потомков уже не было, чтобы попытаться извлечь из этого пользу, как это было в случае с Фатимой. Если намёки на её красоту редки, то похвала её уму встречается ещё реже. При таких обстоятельствах она не могла успешно соперничать с соперницей, столь счастливо одарённой, как 'Аиша, и не могла расстроить интриги, которые фаворитка плела в интересах группы Абу Бакра и 'Умара⁷. Такою, в наименее искажённой традиции, предстаёт перед нами Фатима — ««воплощение всего божественного в женственности, благороднейший идеал,

¹ Перечислены у Ибн Ханбала, VI, 347–348; ср. И. С. ..., VIII, 182 и сл.

² Принято М. Марсе, биография Мухаммеда, в *Grande Encyclopédie*; Reckendorf, *Muhammed und die Seinen*.

³ «ومن الجمل الناس», несмотря на следы оспы; Ханбаль, I, 72, 8, 73; 'Iqd⁴, II, 214; Ibn Baṭrīq, изд. Cheikho, II, 33.

⁴ *Ḥamīs*, I, 310; она — «أحسن زوج رآه إنسان»; *Majmū'a*, № 349, Tāḡīh, рукопись Bib. Khéd., р. 12; приходит пожаловаться отцу на свои домашние неприятности; он отсылает её: «Мне не нравится слышать, как женщина жалуется на своего мужа». Qazwīnī, *Nasab an-nabī*, рукопись Berlin, 957°, 3а.

⁵ Или этой другой: «فضل عائشة على النساء كفضل الثريد على الطعام»; Ханбаль, *Mosnad*, VI, 159; о красоте Рукайи см. также Maqdisī, *Ansāb al-Qoraīshīyn* — рукопись 'Āšir eff., Константинополь, без пагинации; дочь Хамзы была самой красивой курайшиткой: *Montahab Kanz...*, II, 434, строка 1: «أجمل فتاة في قريش». Несмотря на это, она смогла выйти замуж лишь после Хайбара; Ханбаль, I, 98, 132.

⁶ *Ḥamīs*, I, 309.

⁷ См. нашу работу *Triumvirat*, 122 и далее, в *MFO*, IV.

доступный человеческому воображению», если верить восторженному перу современного индийского публициста Сайида Амира Али¹.

При таких условиях Фатима, согласимся, не могла казаться современникам желанной партией. Её положение дочери Пророка², без сомнения, возместило бы все эти недостатки³, если бы к тому времени культ, преданность личности Абу-ль-Касима, достигли того развития, которое безосновательно предполагает *Сира*; если бы уже тогда была известна фраза, которую 'Умар вложит ему в уста: «В день воскресения всякое родство исчезнет, кроме моего». Второй халиф воспользуется ею, чтобы жениться на дочери 'Али, ещё не достигшей брачного возраста, — если только наши летописцы не изобрели это изречение, чтобы прикрыть этот поступок старческой чувственности!

Араб никогда не остаётся чужд меркантильности. Своему будущему мужу Фатима должна была принести пустую свадебную корзину. Лично бедный, Мухаммед ничего не унаследовал от своей первой жены. На протяжении всего мекканского периода Аллах отказывался присоединить к сверхъестественным дарам Своего Посланника земные блага.

В Медине искусная политика Реформатора сумеет восполнить эту нужду. Поэтому следует с недоверием относиться к описаниям домашнего хозяйства 'Аиши в ту эпоху⁴, где говорится о бедственном положении семьи Пророка: будто там два месяца не разжигали огня⁵, а «две чёрные вещи» — финики и вода — составляли обычное меню. Это легендарные подробности, предназначенные для того, чтобы создать возвышенное представление о бедности Мухаммеда.

Мы вправе спросить, куда же девалось имущество Хадиджи, той самой богатой вдовы, предмета вождения всех курайшитов. Они должны были составить долю, приходившуюся на дочерей богатой торговки. Случайно ли банк, это товарищество с разделённой ответственностью⁶, возглавляемое предприимчивой мекканкой, потерпел крах⁷ — или же он существовал только в воображении наших летописцев?

¹ *Life of Mohammed*, 325.

² Её купец из Медины доходит до того, что подозревает его в желании купить, не заплатив. Ханбаль, *Mosnad*, VI, 457: «يريد محمد أن يذهب شرفي، أن لا يعطيني درهما». То же наблюдение относительно её сестры Умм Кульсум. Своевременно возвращённая первым мужем, она ждёт 10–15 лет, прежде чем встретит нового жениха.

³ Физическая красота не является безразличным вопросом у потомков Пророка. По поводу такого-то Алида красноречиво замечают: «أرأيت قوما تستر الملاحه» [Видал ли ты людей, в которых красота словно сокрыта?]; 'Iqd⁴, III, 25, 45: «بنصرفون بلسان النبوة ينطقون» [Они удаляются, но говорят языком пророчества.].

⁴ Ibn Hanbal, *Mosnad*, VI, 156, 155, 150, 158.

⁵ Comp. Waqidi Kremer, 385, 1: каждое утро для Мухаммеда и Медины «резали барана». Между тем пшеничный хлеб там был редкостью. Ibn, 113, 6.

⁶ См. нашу работу *République marchande de la Mecque*; I. S. *Ṭabaqa*, VIII, 9, 1, 10.

⁷ Крах в Мекке; см. *République marchande*, 18; Ханбаль, II, 7, строка 1.

Такова непоследовательность рассказов, из которых соткана наша Вульгата: на неё следует опираться с осторожностью, если не хочешь увлечься ею.

Позднее Мухаммед выразит сожаление, что Усама, сын его любимца Зайда ибн Харисы, не был девицей: он покрыл бы его драгоценностями, чтобы сделать его первым женихом Медины¹. Почему же мы не слышим, чтобы он выразил такое желание в пользу Фатимы?

Наши авторы не затрудняют себя такими вопросами. В своё время нам предстоит оценить долгие задержки, привнесённые в историю выдачи Фатимы замуж. Эти задержки следовало бы объяснять не отсутствием претендентов, а их множеством и достоинством: спрос превышал предложение. Назовём среди них Абу Бакра, 'Умара, не говоря уже о главных Сподвижниках: все они оспаривали друг у друга такую честь². Два первых халифа — сватающиеся к будущей жене 'Али! Картина довольно банальна. Намечая её, шиитские художники, должно быть, вспоминали унижения, причинённые дочери Пророка на следующий день после смерти её отца. Их ум смаковал эту замаскированную месть³.

Приняв ислам, перейдя из поэзии в Предание, древняя арабская сатира стала более утончённой: она научилась скрывать свой яд в складках хадиса, на первый взгляд безобидного, благочестиво принятого нашими Сахихами и Муснадами. Передатчики светских диванов или религиозных хадисов — у всех обнаруживаются одни и те же страсти, та же самая бесцеремонность. Переменив предмет, они нисколько не повысили уровень своей литературной честности. Почему же наши исламоведы не убедились в этом раньше?

Среди всех этих претендентов 'Али, казалось бы, тоже должен был попытаться просить руки Фатимы. Но его, по-видимому, смущало высокое положение соперников. Почему же Мухаммед отказал им всем? Ведь каждый из них уже имел уважаемую семью и положение. Не было ли это отказом, который должен был скрыть в тех кругах слишком юный и неопытный возраст Фатимы?

¹ «حتى أنفقته»; I. S. *Ṭabaqa*, IV¹, 43.

² Ya'qūbī, *Hist.*, II, 42; Balāḡorī, *Ansāb*, 258a; I. S. *Ṭabaqa*, VIII, 11–12; *Montahab Kanz al-'Ommāl*, V, 98, 99.

³ То же самое вдохновение — в отношении позиции 'Аиши к халифу 'Османи; Ханбаль, *Mosnad*, VI, 149, 15 и далее. Абу Бакр и 'Умар также будто бы добиваются руки Умм Саламы, жены Мухаммеда; *ibid.*, II, 313, 317; тот же приём применён и к Фатиме.

Сначала Мухаммед объяснял отказ тем, что его дочь ещё слишком молода¹. Но из уст человека, который сам женился на 'Аише, когда ей было девять лет, такое объяснение звучало неубедительно. Даже если принять этот довод всерьёз, всё равно возникает противоречие: ко времени хиджры Фатима, по расчётам автора, уже должна была быть не младше, а, возможно, старше 'Аиши. Доказательство приведем ниже. Поэтому вся эта история выглядит как искусственно построенная сцена, придуманная для того, чтобы объяснить, почему Фатима долго оставалась незамужней. Авторы хадисов стремились любой ценой защитить честь Фатимы и её отца: ведь равнодушие к ней со стороны женихов могло выглядеть унижительно.

Но почему же затем Мухаммед всё-таки внезапно выдал её за 'Али?² На недовольство отвергнутых претендентов он, согласно преданию, ответил примерно так: «Это не моё решение; этот брак определил Аллах»³. Для людей того времени такое объяснение не казалось невозможным: вмешательство Неба в семейные дела Пророка воспринималось вполне естественно. И здесь вспоминается история Зайнаб, которую, согласно хадису, Аллах сам выдал замуж за Своего Посланника⁴. Зайнаб даже гордилась этим, говоря, что её брак был установлен указом, пришедшим «свыше семи небес!»

Даже если не учитывать, что Я'куби как источник может вызывать подозрения, сам характер этих рассказов кажется полемическим. Они как будто специально подчёркивают: Аллах и Пророк предпочли 'Али, а не Абу Бакра и 'Умара, будущих политических соперников его рода! Иными словами, эти рассказы могли служить возвеличиванию 'Али. Но если сравнить это с тем, как легко Мухаммед, по преданию, выдал замуж других своих дочерей за богатых, хотя тогда ещё языческих, зятьёв, возникают новые противоречия. Чтобы объяснить это, авторы традиции говорят, что те браки были заключены ещё до начала пророческого откровения⁵. Однако такое объяснение тоже неубедительно. Если тогда дочери Мухаммеда были ещё очень молоды, то как быть с утверждением, что Фатима была слишком юной для брака? А если принимать эти расчёты всерьёз, получается, что Умм Кульсум после развода с сыном Абу Лахаба и до брака с 'Османом должна

¹ Nasā'ī, Sonan, рукопись Nouri 'Otmanī, Константинополь, книга о браке, под заглавием: «نزويج المرأة مثلها في السن» — «выдавать женщину замуж за равного ей по возрасту».

² Nasā'ī, там же.

³ Ya'qūbī, Hist., II, 42; многочисленные цитаты в Montahab Kanz, V, 90, 98, 99. На просьбы Абу Бакра и 'Умара Мухаммед отвечает: «أنا انتظر بها القضاء» — «я ожидаю относительно неё решения свыше». Balāḍorī, Ansāb, 258b, строка 15; Ṭabaqā, VIII, 11a–12a, прим. 2. Мухаммед без колебаний отдаёт предпочтение своему двоюродному брату 'Али перед Абу Бакром и 'Умаром.

⁴ Коран, 33:37.

⁵ Ṭabaqī, III, 2303; Aḡ., XV, 2.

была оставаться вдовой или незамужней женщиной целых пятнадцать–восемнадцать лет¹.

В итоге мы возвращаемся к выводу: для ранних Сподвижников сам титул зятя Пророка, возможно, ещё не имел такого огромного значения, какое ему стали придавать позже. Перечисление всех этих противоречий показывает, что к исторической достоверности Сиры следует относиться с осторожностью.

До хиджры мы ничего не знаем о поступках ‘Али, кроме его имени и имени его семьи. Но такое отсутствие сведений не устраивало исламскую историографию. Чтобы восполнить этот пробел, она создала рассказ о детстве ‘Али.

Одним из первых, а может быть и первым, кто усомнился в ценности этого рассказа, был Нёльдеке². Старая мусульманская традиция стремилась бросить тень на отношения между Пророком и его первыми четырьмя преемниками — праведными халифами الخلفاء الراشدين. В этих рассказах женщины играют главную роль: достаточно вспомнить имена ‘Аиши, Хафсы и дочерей Пророка. Что касается ‘Али, то здесь роли распределены особенно удачно.

Среди современников ‘Али считался человеком ограниченного محدود³ ума. Абу Талиб, вероятно, думал о нём не иначе, если всерьёз принимать легенду об ‘Али в том виде, как её передаёт *Сира*. Эта легенда странно показывает, с какой лёгкостью отец будто бы избавляется от своих детей, особенно от ‘Али. Он отдаёт их ‘Аббасу, Хамзе и Мухаммеду⁴, оставляя себе только ‘Акиля — как утверждается, потому что тот был самым способным из всех. Возникает вопрос: как такая странная версия вообще могла утвердиться?

На самом деле она устраивала всех. Если она прославляла Алидов, то одновременно освобождала их от неудобных фактов. А именно — от того, что до хиджры близкие родственники Пророка из рода ‘Аббасидов оставались

¹ Поэтому некоторые летописцы старались представить Умм Кульсум самой младшей из сестёр. Но тогда возникает вопрос: почему она вышла замуж раньше Фатимы? Если Фатима действительно была слишком молода для брака, то почему брак Умм Кульсум не был отложен?

Похожая трудность возникает и с Абу Бакром. Несмотря на свою известную благочестивость, он сначала обручил ‘Аишу с сыном богатого язычника Мут‘има ибн ‘Ади — человека, который после смерти Абу Талиба некоторое время покровительствовал Мухаммеду. Эта деталь выглядит неудобной и для самого Пророка, и для его будущего тестя.

² ZDMG, LIII, 283; в книге И. Хишама, *Sira*, 158 и далее, рассказ о детстве ‘Али не имеет иснада.

³ См. нашу *Mission*, V, *Index*, и нашу *Cradle of Islam*, I, 132 и далее.

⁴ См. *Maǧdī*, стр. 9, ниже.

равнодушными или даже враждебными к исламу. Великолепный ход! В этом проявилась вся политика багдадских халифов.

Ещё до них Му'авия и его омейядские преемники¹ стремились ослабить Алидов, осыпая их золотом и заставляя отказаться от честолюбивых мечтаний. Аббасиды, обогащая эту политическую борьбу, решили представить дело так, будто они ещё до появления ислама взяли под свою защиту сыновей Абу Талиба. Эта смелая версия должна была бросить тень на Аббаса и его сыновей: она связывала их с историей семьи Пророка как людей, которые в некотором смысле изменили ей, как позднее напомним ансар Каис ибн Са'д.

Одного этого соображения, однако, было бы недостаточно, чтобы привлечь на их сторону сторонников 'Али. Но аббасидское объяснение давало лучший способ обеспечить 'Али особенно почётный титул в глазах шиитов²: титул первого уверовавшего — в ущерб Абу Бакру. Чтобы добиться этого надёжнее, обращение Абу Бакра в ислам отодвинули на более поздний срок. Ему пришлось уступить место 'Али и Абу Зарру — фигуре тёмной, но дорогой шиитской школе³. Последнее обстоятельство обеспечило успех этой исторической комбинации: она заполняла пустоту мекканского периода и скрывала недоверие массы хашимитов к исламу. Так легенда об 'Али постепенно стала частью официальной *Сирь*, где Мухаммед представлен как воспитатель своего юного двоюродного брата.

Но это согласие не должно нас обманывать. 'Али принадлежал к семье, которая вплоть до завоевания Мекки оставалась равнодушной или даже враждебной к исламу. По общему признанию, Абу Талиб, покровитель Мухаммеда, и его жена вместе с ним упорно умерли в неверии. Имя «Талибийун», которое Аббасиды⁴ охотно давали потомкам Фатимы, подчёркивало эту неприятную черту. Среди враждебного окружения 'Али будто бы первым оказался исключением. Вот в чём состояло его настоящее первенство. Он был первым не среди всех верующих, а среди хашимитов, кто принял ислам. И даже он, прежде чем открыто заявить о себе,

¹ См. *Mission*, 154 и след.; о суждении ансара Каиса ибн Са'да см. *Majdī*, стр. 25, ниже.

² «قول أهل البيت وشيعتهم» — «слова / мнение людей Дома Пророка и их шиитов»; Mas'ūdī, Tanbīh, изд. de Goeje, 231.

³ Ya'qūbī, *Hist.*, II, 22, ниже; он присутствует на похоронах Фатимы; там же, II, 128.

⁴ Замечание Нёльдеке, ZDMG, там же.

дождался ухода Мухаммеда в Медину. 'Аббас¹ и 'Акиль² поступят так же только ко времени завоевания Мекки³.

Все они вместе с Талибом — если тот вообще существовал — пополняют курайшитские отряды при Бадре. В Коране и в хадисах упоминается образ противника, героя ислама, личного врага Пророка, и это снова хашимит — Абу Лахаб. Чтобы возместить силу этого возражения, ортодоксия рядом с 'Али поставила Хамзу, «льва, меч Божий и Его Посланника». Но почему же тогда до Бадра историки не могут с уверенностью засвидетельствовать присутствие Хамзы в Медине, тогда как его жена и дочь оставались в Мекке? Что касается Джа'фара, другого брата 'Али, его ловко отправляют в Абиссинию. Но почему он ждёт до завоевания Хайбара, прежде чем прийти и заслужить славный эпитет «летающий»? Такую небрежность трудно оправдать. И среди всех своих родственников 'Али, самый нерешительный и наименее способный, будто бы отделился от них, чтобы разделить судьбу реформатора, проповедовавшего в пустыне? Такой вывод вовсе не напрашивается сам собой.

Но это ещё не всё. Когда настал час переселения, сторонники Мухаммеда опередили его и ушли в Медину. В списке этих мухаджиров имя 'Али отсутствует. Все летописцы признают это⁴. По их словам, 'Али остался в Мекке по преданности: чтобы помочь Мухаммеду бежать и завершить расчёты с мекканцами, а затем защитить и сопровождать исход Фатимы⁵. Здесь эти два имени впервые оказываются соединены.

Эту последнюю миссию следует отнести на счёт шиитов. В других версиях 'Али прибывает в Медину один, пешком и в жалком состоянии⁶. Дорогой Пророк якобы

¹ О нём один лахабид скажет халифу Харуну ар-Рашиду:

«أنت ليس تعرف قصة جدك وما كان من أمره واسمعه كما أكره»

Смысл: «Ты не знаешь истории своего деда и того, что с ним было; слушай же её, как бы неприятна она тебе ни была». Fihrist, 209, 13; писатель, высеченный Аббасидами за то, что свободно говорил об 'Аббасе; там же, 111, 28.

² Он продаёт дома Мухаммеда и своих собственных братьев, 'Али и Джа'фара; Balāḡorī, Ansāb, 415a. «Вы рабы моего отца!» — кричит Хамза 'Али и Мухаммеду; Ханбаль, I, 142.

³ У Хассана ибн Сабита, Dīwān, изд. Hirschfeld, XXI, стих ниже — элегия о поражении при Му'те — фигурируют имена 'Аббаса и 'Акиля. Либо весь фрагмент, либо этот стих являются поздней вставкой. Некоторые биографы опирались на него, чтобы утверждать раннее обращение 'Акиля; см. Ḥamīs, I, 184. Талиб, старший брат, назван: «مات كافرا في غزوة بدر» — «умер неверным во время битвы при Бадре». Джа'фар, «ذو الجناحين» — «обладатель двух крыльев», упоминается у Ibn Qays ar-Roqayāt, Dīwān, изд. Rhodokanachi, 174. Там же и 'Али назван «وصي» — «завещатель / назначенный преемник», выражение тем более удивительное, что речь идёт о панегирике зубайриту Мус'абу. Если эти стихи подлинны, значит легенда о Му'те была оформлена уже во второй половине I века хиджры.

⁴ У Ибн Хишама, Sīra, 819, именно 'Аббас приводит Фатиму в Медину; см. Нельдеке, ZDMG, LIII, 21.

⁵ Ya'qūbī, Hist., II, 42, 3.

⁶ Ibn al-Athīr, Kāmil, II, 44, сверху: «حتى نقيت قدماء» — «пока у него не потрескались / не изранились ступни». Maqrīzī, Imtā', рукопись Körgülü, первая часть.

отказался бы принять такое невнимание к двоюродному брату, если бы тот действительно только что дал ему столь героические доказательства преданности.

В рассказе о том, кто привёл Фатиму в Медину, вместо 'Али обычно ставят Зайда ибн Харису, вольноотпущенника Мухаммеда¹. Это одна из излюбленных фигур ортодоксальной школы. Сунна не всегда решается прямо нападать на чрезмерные и смешные преувеличения шиитов: она боится задеть этим самого Пророка и поколебать высокий авторитет, которым он был окружён. Поэтому вместо прямого столкновения она предпочитает обходные ходы — параллельные версии и сложные манёвры.

Не умея обращаться с критикой и будучи ограничена рамками собственной доверчивости, ортодоксальная традиция незаметно подрывает почву под ногами своих противников. Переноса заслугу на Зайда, она превращает рассказ о нём в ортодоксальный ответ шиитской легенде. Но от этого такие тонкие приёмы не становятся более достоверными. Когда шиитская традиция представляет 'Али первым мусульманином, ортодоксальная традиция отвечает перечислением достоинств Зайда², противопоставляя их этому утверждению.

По мнению Нёльдеке, никому не было бы выгодно придумывать такую заслугу для человека, чьи потомки позднее не играли никакой роли. Но здесь нужно оставить возможность, что это было подчёркнуто именно как реакция против шиитов³. Такая реакция уже не вызывает сомнений, если рассмотреть всю историю этого вольноотпущенника.

Нет ничего опаснее внешне простодушной искренности хадиса⁴. Развитие сравнительного изучения этой области исламских наук — во многом благодаря учёности Гольдциэра — позволяет это хорошо понять. Тайный смысл иногда обнаруживается в вариантах, которые на первый взгляд кажутся совершенно

¹ Tabarī, III, 2440; I. S. *Ṭabaqā*, VIII, 42–43; ср. Caetani, *Annali*, II, 137. Замена 'Аббаса на 'Али или Зайда относится к числу таких попыток, когда стремились сделать Алидов обязанными Аббасидам, а также умножить вероятность раннего, ещё детского, обращения 'Аббаса.

² I. S. *Ṭabaqā*, III¹, 30, 10; ср. Mas'ūdī, *Prairies*, IV, 137.

³ ZDMG, LII, 19.

⁴ В вопросе о «лучшем мусульманине» — «من أفضل المسلمين» — создаётся впечатление, будто 'Аишу ставят почти на один уровень с Умм Саламой, чтобы подтвердить, что Пророк «كان لا يفضل عنها حبًا» — «никого не любил больше него / её»; Ханбаль, VI, 296.

безобидными. Достаточно быть внимательным, чтобы не попасться на детские уловки¹ и на мнимую «объективность»², которой бывают отмечены такие рассказы.

Выбор Зайда в качестве первого уверовавшего даёт новый пример такого приёма. Нужно было иметь очень недобро настроенный ум, чтобы заподозрить здесь скрытую мысль. Этот малоизвестный набатеец, или как бы его ни называли, казалось, мог не вызывать опасных притязаний, не раздражать сильных людей своего времени и не навлекать на себя строгость аббасидской цензуры. Под прикрытием его имени можно было вести полемику, сохраняя видимость беспристрастия.

Когда сторонники 'Али присваивают ему титул «льва» через его тестя, Зайд оказывается не менее облагодетельствованным: за живостью выражений³, которыми Пророк будто бы награждает его этим преимуществом, трудно не увидеть полемического намерения. Зайд не только приводит Фатиму в Медину, но и выполняет ту же миссию в отношении Зайнаб⁴. Так 'Али оказывается отодвинутым в сторону.

Но чрезмерное усердие становится опасным для самой версии. Против шиитских преувеличений ортодоксия выдвигает свои собственные. Возвеличив зятя Мухаммеда, она противопоставляет ему военные заслуги Зайда. При этом, как замечается, Зайд никогда не выступал в подчинённой роли, даже когда рядом с ним находились люди из числа *мубашшара* — тех, кому был обещан рай. Наконец, чтобы завершить этот образ, добавляется ещё одна черта: если бы Зайд пережил Мухаммеда, тот будто бы думал оставить ему своё наследование⁵.

Так, если здесь нет ошибки, получается прямой удар⁶ по сторонникам 'Али — тем, «чьё последнее прибежище и высшее достоинство состоит в звании

¹ Делается вид, будто отмечаются самые незначительные варианты: *قام معه* или *إن شئت* или *قام* или *إن شئنا*; *أصله* или *مرضنا* или *مرضين* или *مرضوا* или *مغفري* или наоборот; *مرضين* или *مرضوا* — речь идёт о женщинах; *يشمت*; и т. д. Ханбаль, *Mosnad*, VI, 153, 150, 153, 158, 171, 208, 302; ср. *ibid.*, 316; *ملة* и *ممسك*; 390, *حسنة* или *بقي الله له*; 325, *تربت يمينك* или 377, *بقي له*. Имя совершенно неизвестной женщины колеблется между *غميسة* / *غميشة* / *شمسة* / *شميسة* и т. п.

² Даже в одном и том же перечне, замечает Ханбаль, **Fatma** и другие подробности, которые я опускаю; Ханбаль, VI, 432, 5. Однажды в кабине оказывается сразу четверо. Этот приём подбора повторяется и для 'Али ибн Абу Талиба: *Sira*, I, 592, 13; II, 11, 12; 98, 32; 399, 7 и II, 462, 15. Maqrizī, *Hiṭaṭ*, изд. G. Wiet, 273, прим. 2.

³ «ولي من أحب قريشا»; I. S. *Ṭabaqa*, III¹, 29, 25, 15.

⁴ *Ḥamīs*, I, 390; романтическое развитие, приглашающее улыбнуться.

⁵ Ханбаль, *Mosnad*, VI, 227, вверху; 254, строка 1. Ср. достоинства 'Али в *Montahab Kanz al-'Ommāl*, V, 29 и далее. Там можно найти легенду об 'Али, которой соответствует легенда о Зайде: это одни и те же клише. Когда в одном хадисе 'Али оказывается рядом с Пророком, редко бывает, чтобы рядом не появился и Зайд; Boḥārī, *Ṣaḥīḥ*, Krehl, II, 74, прим. 7.

⁶ Так, после погребения Мухаммеда хашимиты будто бы остаются одни; однако ортодоксия спешит присоединить к ним Усаму, сына Зайда; Balāḍorī, *Ansāb*, 373a, 374b, 378. По дороге к Бадру Мухаммед делит одного и того же верблюда с 'Али и Зайдом; *ibid.*, 181a. Так равновесие оказывается восстановленным.

родственников». Но почему такие важные сведения должны исходить от столь подозрительного авторитета, как 'Аиша?¹

И это благоволение Пророка затем переходит к Усаме, сыну Зайда. После того как становятся очевидны отеческие чувства Мухаммеда в Коране, авторы канонических сборников любят показывать его играющим с детьми Фатимы и усаживающим их к себе на колени. Но напротив них, на свободном бедре, они непременно помещают Усаму. Эта картина — одно из самых искусных изобретений ортодоксии. Она создаёт идеальное равновесие между суннитской и шиитской традициями и, как думали, обезвреживает крайности обеих сторон.

К этому ещё предстоит вернуться². Но уже сейчас необходимо отметить эти показательные усилия, чтобы заранее понять ценность легенды, предназначенной для прославления пары 'Али — Фатима.

Вместе с Сухайбом ибн Синаном 'Али оказался последним, кто присоединился к Мухаммеду в Медине³. Сколько времени прошло между хиджрой и его уходом из Мекки, мы не знаем⁴. Его присутствие при Бадре действительно засвидетельствовано, и если он не появляется там как новичок среди мусульманских имён в наших документах, то критически истолкованные источники всё же не позволяют говорить об этом с полной уверенностью. До Бадра мы не видим, чтобы он участвовал в каких-либо походах. При Бадре же он будто бы проявил необыкновенную, даже сверхчеловеческую активность. *Сира*, в которой он занимает одну из главных ролей, старается, так сказать, наверстать для него потерянное время. *Nemo fit repente summus* — никто не становится великим внезапно. Но с этой истиной не стали считаться, как и с тем фактом, что сам аль-Вакиди⁵ в своём *Китаб аль-Магази* менее богат такими подробностями.

Огромно число курайшитов, будто бы убитых 'Али при Бадре⁶. Как если бы этих подвигов было недостаточно, чтобы прославить начинающего героя, его ещё связывают с доблестью других героев Бадра⁷. Но не стало ли это чрезмерным?

¹ У Ханбаля, *Mosnad*, VI, муснад Умм Саламы оказывается более благоприятным к 'Али, чем муснад 'Аиши.

² Другие доказательства любви к Усаме: Ханбаль, *Mosnad*, VI, 82, 156–57; при завоевании Мекки Мухаммед садится на верблюдицу Усамы; *ibid.*, VI, 15. К этому ещё предстоит вернуться; ср. I. S. *Tabaqa*, IV¹, 43.

³ Balāḏogī, *Ansāb*, указанная рукопись, 112.

⁴ Ортодоксальная версия ограничивает этот срок несколькими днями: более продолжительное отсутствие показалось бы подозрительным.

⁵ *Fihrist* Flügel, 98, 20–21; о нём говорится *site mais avec lagya*.

⁶ Ср. Wāqidī-Kremer, 146 и далее.

⁷ «أَمِيرِ الْمُؤْمِنِينَ» — «повелитель верующих»; особенно стр. 151, строка 1, где появляется шиитская титулатура. У Ханбаля 'Амилия находится на обратном направлении от пути 'Али.

Когда 'Али стал халифом, многие из его современников будут оспаривать его военное знание¹. Его личная храбрость, по-видимому, была реальной. Но как юный воспитанник Пророка, выросший до тех пор в купеческом доме Мухаммеда² и никогда не державший в руках саблю, при первой же возможности проявляет столь пылкую отвагу и такой боевой опыт?³ Со своей стороны, я отказываюсь объяснять это явление. Жизнь на рынке и в лавках Мекки не могла развить такие военные качества.

До конца своей жизни 'Али оставался в плохих отношениях со своим братом 'Акилем. После поражения при Бадре он отказался выкупить его, чтобы облегчить его плен⁴. Эта размолвка и личная бедность 'Али могли побудить его искать счастья в окружении Мухаммеда. Его первые шаги в Медине были тяжёлыми: ему пришлось служить у одного иудея и таскать воду для полива пальмовых деревьев⁵. Так можно было бы объяснить задержку его брака с Фатимой.

Сира усложняет ситуацию, предполагая, что они были помолвлены ещё до хиджры. Я'куби помещает брак «через два месяца после их прибытия» в Медину. Другие авторы, стремясь всё согласовать, прибегают к гипотезе, уже использованной в легенде об 'Аише. В обоих случаях приходится допустить двойной брак: окончательный брак должен быть помещён после Бадра или, что более вероятно, после Ухуда. Поскольку все предполагают промежуток в один год между двумя актами этого брачного соединения, вывод, судя по всему, оказался довольно трудным⁶.

У арабских женщин обычный возраст вступления в брак составлял от 9 до 12 лет⁷. Мы видим, как родители начинают тревожиться о будущем своих дочерей, если примерно к десяти годам женихи заставляют себя ждать⁸. Конечно, девушки

¹ Ср. *Mawāhib*, 124; *Maqdisī*, 70, 41; *'Iqd*, XV, 45, 7 и строка 1.

² Согласно данным *Сир*, Амр предъявлял права на некоторые подвиги, которые обычно приписывались 'Али. Так, именно Мухаммад ибн Маслама убивает Мархаба в Хайбаре; Ханбаль, III, 355. При Бадре 'Убайда ибн аль-Харис, двоюродный брат Мухаммеда, сам требует себе противников, приписанных Малхаму. К несчастью, половина этого текста испорчена и неподлинна. См. замечание Гольдциэра в журнале *Der Islam*, II, 103.

³ См. примечания Горовица о Кумайте, *Hāšimiyūāt*, II, 95–96; 'алидский хадис был вдохновлён этим пассажем шиитского поэта.

⁴ Ср. *Mo'āwiya*, указатель, статья "Aqīl"; а также нашу работу *Califat de Yazīd*, I, 135–36.

⁵ *Montahab Kanz*, V, 56; I. S. *Ṭabaqa*, VIII, 12–13; 16, 3 и далее.

⁶ *Suyūṭī*, рукопись 'Āšir eff., Константинополь, *Majmū'a*, № 115; «الثغور الباسمة في أسماء فاطمة», стр. 161a; *Sibṭ ibn al-Jawzī*, *Mir'āt*, рукопись Kuprulu, II, 195, 213b; *Maqātil*, 19; Qotaiba, *Ma'ārif*; *Wüstenfeld*, 70; рукопись без названия, Константинополь, № 457, стр. 130b. Хамза просит Мухаммеда обеспечить его средствами к существованию; Ханбаль, II, 175, ниже. И его тоже нужда могла привести в Медину. За исключением банкира 'Аббаса, все эти хашимиты оказались разорены бедностью. Абу Талиб даже вынужден был выкармливать своих детей.

⁷ То же самое ещё встречается у арабов Сирии; ср. A. Musil, *Arabia Petraea*, III, 184.

⁸ Ср. *Aghānī*, IX, 82, 4 и далее.

двадцати двух лет не были в Аравии чем-то невозможным¹. 'Амр ибн аль-'Ас женился в возрасте двенадцати или четырнадцати лет. Также уже упоминался случай, когда дочь 'Усамы ибн Зайда была разведена в очень раннем возрасте.² Поэтому не следует удивляться, что наши авторы стараются «омолодить» Фатиму в этот важный период её жизни³. Многочисленные хронологические комбинации, перечисленные выше, чтобы сблизить с хиджрой дату её рождения, не имеют более бескорыстной цели.

Вопрос о браке приводит наших авторов к необходимости называть числа и временно отказываться от метода гибких синхронизмов, как они делали раньше в отношении рождения Фатимы. Часто приводится число 15 лет или 15 с половиной лет⁴, с осторожной оговоркой: «أو غيره» — «или иначе», дающей понять, что эта цифра может подвергаться изменению. Действительно, другие авторы, и среди них одни из самых ранних⁵, говорят о 18 годах. Эта последняя оценка дальше отходит от неправды, хотя ещё не достигает истины. Если для всей продолжительности жизни Фатимы принять среднее число в 30 лет, то к моменту Бадра ей должно было уже исполниться больше двадцати лет; даже если она ещё не достигла возраста, при котором в Аравии можно было заслужить звание старухи⁶. Это наблюдение проясняет смысл некоторых хадисов, где её представляют старше её мужа⁷: ведь недопустимо было бы приписывать пятнадцатилетней невесте такое превосходство в возрасте.

В то время 'Али было около 25 лет⁸; и это выглядит ещё одной неправдоподобной деталью, если, следуя хадисам, считать, что до этого момента 'Али оставался холостым. Его бедность здесь ничего не объясняет. На Аравийском полуострове старый брачный обычай знал целый ряд недорогих форм союза — например, мут'а⁹. Браки там заключались рано как у мужчин, так и у женщин. Разве не был уже установлен пример самим Мухаммадом, который в 25 лет женился на своей первой жене? Однако некоторые авторы всё же почувствовали необходимость

¹ Qotaiba, *Ma'ārif*, изд. Wüstenfeld, 97, 10; Qotaiba, *'Uyūn*, Brockelmann, 432, 16; Boḥārī, *Ṣaḥīḥ*, Krehl, II, 155, 3.

² Ср. *Mīzān*, 385; I. S. *Ṭabaqa*, IV, 50, ниже. Внук Ибн 'А'иши, которому было четырнадцать лет, моложе своего отца; их различали по цвету бороды, они не пользовались одной и той же краской; Balāḍorī, *Ansāb*, 741b.

³ В Медине это тоже создаёт трудности в связи с дочерьми Ансаров; Muslim, *Ṣaḥīḥ*, II, 111; ещё один штамп, заимствованный из муснада 'Аиши; Boḥārī, IV, 132.

⁴ Al-Ṣābā, VIII, 773; Balāḍorī, *Ansāb*, рукопись Paris, 112b.

⁵ Suyūṭī, «الثغور الباسمة», рукопись, лист 64a; *Maqātil*, 19, 1; I. S. *Ṭabaqa*, VIII, 13; Ṭabarī, III, 2455; Ibn Gawzī, «ثمرات المعارف», рукопись Kırgrulu, без пагинации.

⁶ Святой *Amrīt*, I, 451.

⁷ I. S. *Ṭabaqa*, VIII, 17, 4; Balāḍorī, *Ansāb*, указанная рукопись, 259; Ṭabarī, III, 2458–59.

⁸ *Maqātil*, 9–10; I. 'Abdalbarr, *Istī'āb*, 771.

⁹ Сохраняется у шиитов. После списка детей 'Али Ибн Са'д, *Ṭabaqa*, III¹, 12, строка 20, добавляет: «لم يجمع لنا من ولد علي غير هؤلاء», «но могли существовать и другие, рождённые от браков, предшествовавших его браку с Фатимой»; заметны существенные различия между списками детей 'Али. См. ниже об Ибн аль-Ханафии.

«омолодить» Пророка и 'Али на этом этапе их жизни. Они, очевидно, сами смутились чрезмерной смелостью такого предположения. Ещё при жизни Фатимы 'Али, говоря о плаще, полученном от Пророка, невольно упоминает «своих жён»¹.

Могли ли они не знать учения Наставника? «Я тревожусь за неженатого юношу», — будто бы говорил он. В его глазах холостяки были не просто прокляты: они были головнями адского огня. Несмотря на резкость этих выражений и несмотря на ещё более убедительное свидетельство его собственного поведения, он, по-видимому, опасался заразительности примера Иоанна Крестителя, названного в Коране *حضور*, то есть целомудренным, воздержанным от женщин, холостым. Но Пророк, как поспешно добавляют, вовсе не желал, чтобы его последователи подражали сыну Захария. Он постоянно развивал эти принципы, прибегая к самым выразительным сравнениям. «Два земных поклона (рак'ата) женатого мусульманина стоят больше, чем семьдесят поклонов холостяка». Он называл холостяка «бедным, дважды бедным, даже если тот владел бы миллионами». Больше заслуги приобреталось, если человек тратил один динар на свою жену, чем если он тратил его на бедных или на священную войну. «Когда двое супругов держатся за руки, их грехи падают сквозь промежутки между пальцами». Разве ценность мусульманина не измерялась числом его жён?²

Последнее изречение Мухаммада, казалось, было направлено против физического недостатка 'Али: «Смотреть на зелень и на женское лицо — нет ничего лучше для укрепления зрения»³. Такова защита брака — *pro matrimonio*, — приписываемая Мухаммаду; и мы ограничиваемся здесь лишь поверхностной подборкой из этой обширной антологии. Сколько из этих изречений действительно восходит к Абу-ль-Касиму, нам здесь определять не нужно. Но, приписывая их ему, хадис, по-видимому, не слишком ошибалась, полагая, что верно передаёт мысль Наставника и его современников.

То, что Пророк⁴ в возрасте 25 лет был уже не при первом опыте супружеской жизни; что то же самое относилось и к 'Али, и к Фатиме; что все они, как преданные ученики Наставника, боялись умереть холостыми, — такой вывод представляется нам чрезвычайно вероятным, если не сказать большего. С другой стороны, составление Сиры связано со столь многими иными проблемами, что и этот вопрос мы

¹ *وسمعت بين نسائي*, с попытками смягчения; Ханбал, I, 91, 2; 92; 6 снизу; 137; мы ещё вернёмся к этому. Бухари, *Ṣaḥīḥ* (Krehl), IV, 85, 4.

² Ханбал, *Mosnad*, I, 243; Бухари, указ. соч., III, 412.

³ Ср. *Muntahab Kanz* ... VI, 589, 522; наше *Mo'āwīa* [неразборчиво]; Ханбал, *Mosnad*, III, «моё безбрачие — это джихад»; Бух., III, 206; *ما في الجنة أعزب* — «в раю нет холостяка»; никто не умрёт холостым; Бух., II, 217; IV, 55; *حضور*, ханафитская квалификация; Хассан ибн Сабит [неразборчиво], VI, 6. Идеал мусульманина — это доказательство того, что он уже до середины II века [хиджры] [арабская цитата неразборчива]; *Kindī*, [неразборчиво]; *Gaudefray-Detombynes*, [неразборчиво].

⁴ У его отца 'Абдаллаха была вторая жена, кроме Амины; I *Hishām*, 57, 100.

вынуждены пока отложить. 'Али, человек чувственной природы, как и все его близкие, уже при жизни Фатимы покажет, что единобрачие было ему в тягость. После же её смерти он поспешит восполнить её отсутствие и окружить себя многочисленными жёнами.

Что касается даты брака, то, если оставить в стороне шиитских авторов или авторов с алидскими склонностями, никто не решается помещать его до битвы при Бадре¹. Те, кто относят его ко времени после Ухуда, несомненно, должны иметь для этого превосходные основания². Нетрудно угадать, какая тенденция могла ими руководить. Если, выдавая замуж своих дочерей, Абу-ль-Касим следовал порядку старшинства, то Фатима, предположительно младшая из них, не могла предшествовать Умм Кульсум, выданной за 'Усмана в промежутке между двумя битвами. Этот вывод согласуется с наименее сомнительными данными, которые даёт сравнительное изучение источников³.

Несмотря на их противоречия и намеренную беспорядочность, наши документы не могут скрыть одного факта, крайне болезненного для самолюбия Мухаммада: трудности найти зятя. В Аравии не существовало института старых дев: спрос, кажется, всегда превосходил предложение⁴. Особенно так должно было быть, если признать, как правило, обычай зарывать младенцев женского пола живьём, — обычай, которым возмущается Коран. Как мало привлекательна должна была быть невеста, чтобы её безбрачие продолжалось уже за двадцатый год! Согласно мнению современников, наш портрет Фатимы должен был бы, следовательно, быть похожим. 'Али, по-видимому, смирился с этой пассивностью, составлявшей одну из черт его характера.

Однако сначала он начал с того, что отказался от всякого приданого, ссылаясь на своё бедное положение. Пророк должен был настоять и напомнить о прекрасной кирасе, подобранной 'Али на поле битвы при Бадре⁵. Эта подробность, при отсутствии каких-либо иных прямых сведений, побудила многих авторов датировать этот брак временем после второго года хиджры. Пророк был, как

¹ О скрытой *Yaqoubit*, см. выше и Таб., II, 1855.

² *Même Mas'ūdī, Prairies*, IV, 149, 156; I. S. *Ṭab.*, VIII, 15, 105; *Hism*, I, 402; I. 'Abdalbarr, *Ist.*, 771; Balādhori, *Maqātil*, [неразборчиво]; называет одну, не уточняя.

³ В Медине Мухаммад, как утверждается, целый год жил у Абу Айюба аль-Ансари; Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, VIII, 14, 2. Следовательно, брак должен быть отнесён ко времени после этой даты.

⁴ Среди курайшитских мужчин, по-видимому, девушек на выданье должно было быть также много; ср. *Mu'āwiya*, указатель, статья *prostituées*.

⁵ Ханбал, *Musnad*, I, 50; Ибн Хаджар, *Iṣāba*, IV, 725; согласно Ибн Исхаку, [арабская цитата: *في المغازي في الكبرى* — чтение не вполне ясно].

известно, большим любителем благовоний; в этом вопросе перед авторитетным свидетельством 'Аиши никто не принимает даже самых изысканных ароматов¹. Поэтому он велел 'Али употребить две трети скромного приданого — четыреста дирхемов — на благовония, а остальное должно было пойти на устройство нового хозяйства².

Вот как наши авторы сочли возможным объяснить бедность молодых супругов. О человеке, столь щедром, плохо верится, что он проявил такую отстранённость, заставляя Мухаммада подавать прискорбный пример непредусмотрительности, между тем как такой пример был вполне в согласии с его характером.

Когда Пророк собирался выдать замуж одну из своих дочерей, он садился возле её комнаты и громко, в таком-то месте, произносил её имя. Невеста, к которой обращались с молчаливой просьбой, должна была заключить разговор: приходила она и трясла дверную занавеску — переговоры считались прерванными³; если же она хранила молчание, тем самым следуя примеру Мухаммада, это означало предоставление будущим супругам той зыбкой свободы, которую признавала древняя *джахилия*. При помощи этого ухищрения малодушно обходили согласие, которое настойчиво приписывали Пророку в отношении молодых невест⁴, — молчание приравнялось к согласию.

Когда отец спросил Фатиму о её будущем браке с 'Али, она начала плакать в молчании⁵. Следом произошло естественное удивление. Несчастливая девушка, кажется, не ожидала подобного предложения. Она не разразилась громким криком⁶, но проявила своё недовольство. «Ты выдаёшь меня замуж, — закричала она, — за бедняка!»⁷ Мухаммад должен был приказать ей замолчать. Затем, чтобы успокоить её и выставить в лучшем свете качества 'Али, он представил его как самого древнего мусульманина в своей семье, самого умного и самого образованного⁸.

¹ Ханбал, *Musnad*, VI, 207, 236; *Mu'āwīya*, 366–367.

² Сибт ибн аль-Джаузи, *Mir'āt*, рукопись, указ. соч., II, 223; Ханбал, I, 93, 8; Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, VIII, 13, 7; *Muntakhab Kanz*, V, 99, 8 снизу, где, кажется, забывают его слова: «ибо Фатима — всего лишь женщина». Апокрифическая сцена брачной ночи: в ней появляется женщина из племени Гаффар — [ле *Fatīmat?* чтение неясно], для одних — в Абиссинии¹, у [X, XI, 67] ошибочно; и через женщин они должны были вмешаться в дела Алидов.

³ Ханбал, *Musnad*, VI, 358 снизу.

⁴ Ханбал, VI, 45, 165; ср. II, 259 снизу.

⁵ *Hanbal*, I, 297; Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, VIII, 12.

⁶ [Арабское слово/выражение неразборчиво.]

⁷ *Muntakhab Kanz*, V, 58–59; *Balādhurī, Ansāb*, 481.

⁸ [Источником начинается с арабского названия, чтение неясно]; *Muntakhab Kanz*, указ. соч. Мухаммад навязывает себя повелителем; ср. Ханбал, VI, 412. [Арабская цитата:] она недостойна даже руки 'Усмана, «homme sans conduite» — «человека без поведения / без должного достоинства»; *فزوجها من هو خير منه* — «и он выдал её за того, кто лучше него». Как уже говорилось, пример молодой 'Аиши и ещё больше молчание

«Сам Бог предназначил его ей в супруги». В этом панегирике наименее уязвимым утверждением была древность 'Али в исламе; если бы она действительно могла затронуть Мухаммада, то, вероятно, не оставила бы его дочь равнодушной. Если её будущий супруг и двоюродный брат действительно был воспитан рядом с ней в отцовском доме, если он, пройдя через тысячи опасностей, привёл её из Мекки, то приходится спросить себя, почему Фатима отказывалась принимать во внимание всё это прошлое.

У сердца есть свои причины. Было ли сердце Фатимы¹ неправо, когда оно возмутилось? Почему оно сопротивлялось отцовскому красноречию? Если дочь Пророка и не была красавицей, то и 'Али был далёк от идеала мужской красоты. В своих героях арабы любили подчёркивать высоту роста². Особенно это было характерно для Хашимитов, прежде всего для 'Аббаса³. Ничего подобного не было у жениха Фатимы. На слишком коротком туловище⁴, над чрезмерно выступавшим животом⁵, выделялись до смешного тонкие руки.

Посреди огромной головы виднелись маленькие потухшие и воспалённые глаза, а также курносый нос⁶. Эта последняя черта отличала его от Хашимитов, у которых нос был достаточно «удлинён, чтобы пить раньше губ»⁷. Увидев 'Али впервые, одна женщина якобы воскликнула: «Станный человек! Можно подумать, что он сделан из кусков, кое-как приспособленных для малого счастья!»⁸ Таков был, с внешней

Фатимы было ещё более красноречивым. См. подробности у [Balādhurī], где это [неразборчиво]; [арабская цитата частично неразборчива]. См. также *Muntakhab Kanz*, указ. соч., V, 370, где ищут доказательство из какой-то «социологии»; ср. *اصطفاه* — «он избрал его», чтобы поддержать это мнение; Ханбал, V, 26 снизу.

¹ Margoliouth, *Mohammed*, 282: брак ей якобы не понравился; о её сварливом характере см. там же, 236.

² Mobarrad, *Kāmil*, 54–55; 298; Qotaiba, *Ma'ārif*, изд. [неразборчиво], 198; Ibn Rosteh, *A'lāq*, изд. de Goeje, 215; Qalqashandī, *Ṣoḥb*, I, 266, снизу, где сказано, что Са'д ибн Кайс насчитывал 60 локтей; Moslim, *Ṣaḥīḥ*, II, 352, сверху. *Musnad* ансаров требует той же привилегии для своих героев; Hanbal, III, 121, снизу.

³ После Бадра в Медине невозможно было найти достаточно большую тунуку для 'Аббаса; Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, IV¹, 7, строка 19; он достигал вершины *قسطن أبيض* [арабское выражение на снимке читается не вполне ясно]; Ibn Rosteh, *A'lāq*, изд. de Goeje, 225, строка 1; *'Iqd*, III, 302, строка 11. Сравнение имеет двойную цель: белизна цвета лица и высокий рост. Ср. *Maqātil*, стр. 38; Komait, *Hāšimiyyāt*, изд. Horovitz, I, 31; Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, IV¹, 20.

⁴ Подробное сообщение обо всех этих авторах; например, Wāqidī, изд. Kremer, 87, 273: 'Аббас и его внук 'Али были «длинные, как копья» — *ومعتدل القنائة*; Balādhurī, *Ansāb*, 711 а.

⁵ Напрасно M. Friedländer, *JAOS*, XXX, 78, считает редкими намёки на эту особенность. Ср. Ibn Baṭrīq, изд. Cheikho, II, 33; *Mo'āwīa*, 144; Yazīd, 132; *Maqātil*, 10, 6; *'Iqd*, II, 225; *Ṭab.*, I, 3970; Abū'l-fidā, *Histoire*, изд. Constantinople, I, 190; Qotaiba, *Ma'ārif*, изд. Wüstenfeld, 106; Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, III¹, 16, 17. Позднее, однако, 'Али будет помещён среди признаков своей *شعبة: خمص البطون*; *Montakhab Kanz*, V, 440; *أطول أعناقاً* — «самые длинношеие», то есть самые знатные; Hanbal, III, 169, 7 снизу. 'Али назван бедуинскими поэтами *شيخ بطين*; Balādhurī, *Ansāb*, 427 b; 433 a; 433 b. Апокрифические стихи, приводимые Ya'qūbī, *Hist.*, II, 143, снизу: *ذو بطن ضخم...* — они содержат неуклюжий намёк на полноту 'Али.

⁶ Qotaiba, *Ma'ārif*, изд. Wüstenfeld, 106: [арабская цитата частично неразборчива].

⁷ См. ссылки в *Mo'āwīa*, 90, прим. 9.

⁸ Qotaiba, *Ma'ārif*, указ. соч.: *من هذا الذي كأنه كسر ثم جبر* — «кто этот человек, словно разбитый, а потом снова склеенный?»

стороны, жених Фатимы. Добавьте сюда явный недостаток ума — он тяжело скажется на всей его карьере, — и, наконец, крайнюю бедность, общую черту всех членов семьи Абу Талиба. Вероломный 'Аббас сумел воспользоваться ею, чтобы захватить привилегию поить паломников у Каабы, прибегнув к денежной ссуде, которую Абу Талиб оказался не в состоянии вернуть ростовщику¹. Как видим, у 'Аббасидов ограбление 'Алидов было семейной традицией.

'Али воспользовался своей бедностью как предлогом, чтобы сначала отказаться от брачного дара Фатиме. Мухаммад затаит на него обиду — как и за несчастья её супружеской жизни. Он не удержится от того, чтобы противопоставить поведению 'Али поведение двух других своих омейядских зятьёв: мужа Зайнаб и 'Усмана, «обладателя двух светил», Рукайи и Умм Кульсум². Те, по крайней мере, умели ценить честь союза с семьёй Пророка!³

¹ Balādhurī, *Ansāb*, 702, 4.

² *Mo'āwīa*, стр. 39, прим. 1; Bibl. Khéd.; Moslim, *Ṣaḥīḥ*, II, 145; Ṭabarī, I, 1750, 13; приводится со слов Ибн Аби ['Абда?]. Отсюда целая книга о браке Фатимы. Об умственной ограниченности 'Али см. пример у Ибн Са'да, *Ṭabaqāt*, VIII, 13, сверху: **[арабская фраза частично неразборчива]**; Hanbal, *Musnad*, I, 99, 11. О его знании ислама см. подборку, собранную Ибн Са'дом, II², 1002.

³ Ибн Са'д, *Ṭabaqāt*, VIII, 7. М. Casanova удивляется, что я подчёркиваю «простодушие 'Али, вечно обманываемого омейядами»; *Mahomet et la fin du monde*, стр. 85. Но разве это противопоставление не объясняет историю первого века? Разве 'Аббасиды не начнут сами с того, что поступят точно так же со своими алидскими родственниками? Одно явление непременно должно привлечь внимание: все советы 'Умара [по тексту: *Omar?*] у Ибн Са'да, III¹, 109, 13, являются доказательством того, что ощущалась необходимость реагировать против противоположного мнения.